

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

МИЛИТАРИЗМ И КУЛЬТУРА

Круглый стол читателей

С КЕМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

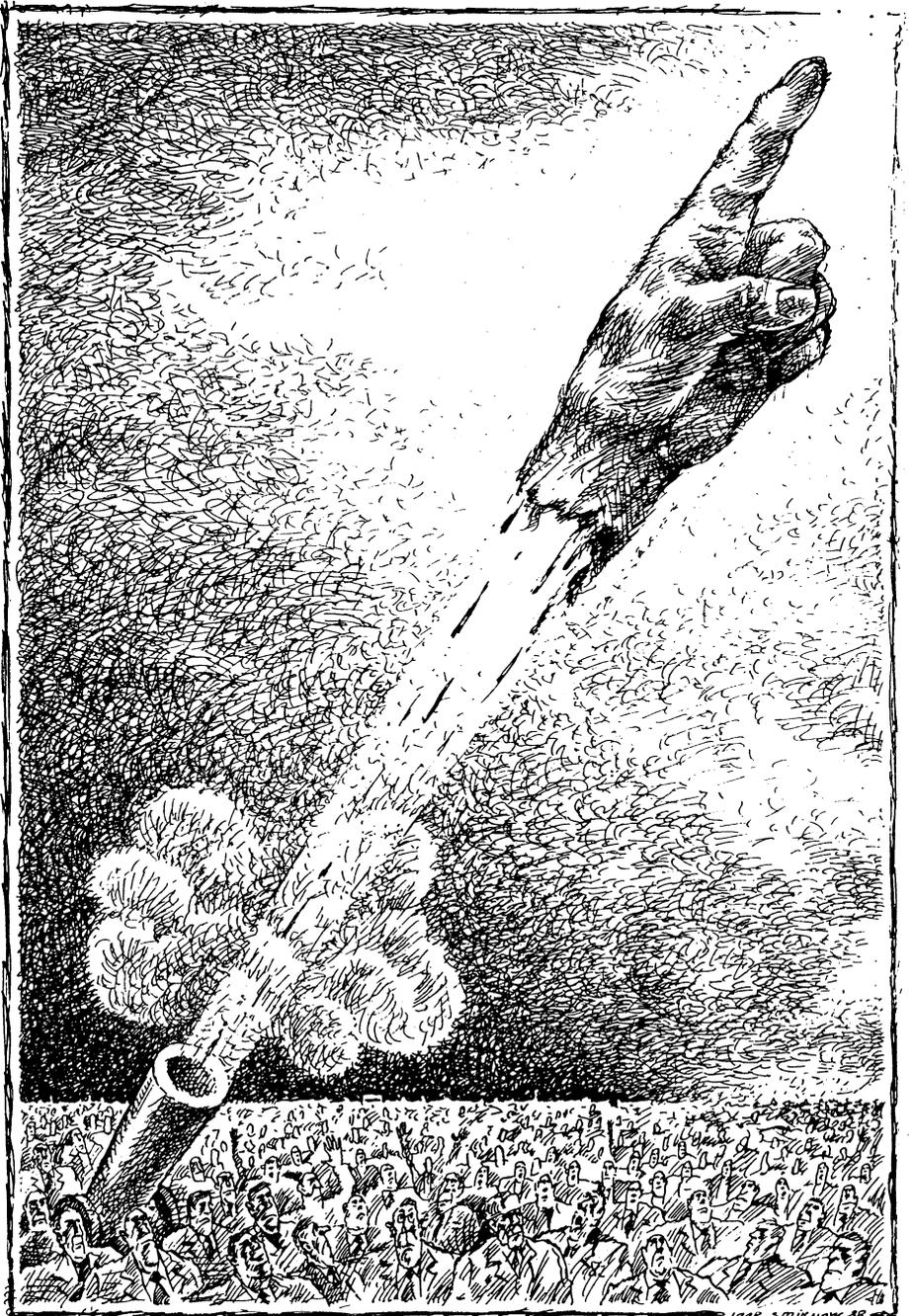
Вопрос рабочего

«КОНЦЕРН СССР»

Российское предпринимательство и
советская экономика

ISSN 0320 8001

12/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Наши интервью

**Г. АРБАТОВ. ПОТЕНЦИАЛ ЗДРАВОВОГО
СМЫСЛА**

9

Круглый стол читателей

МИЛИТАРИЗМ И КУЛЬТУРА

14

Эссе

К. ФАТЕЕВ. МИЛОСЕРДИЕ БЕЗ СЕРДЦА

25

Документ

**ПРИОРИТЕТЫ. ЗАЯВЛЕНИЕ ФОНДА
«КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА»**

29

Мы: страна в движении

Н. ШУЛЬГИН. ВОСКРЕСАЮЩАЯ РОССИЯ

31

Взгляд со стороны

С. фон ВИТТЕ. ВОЗВРАЩАЯСЬ В РОССИЮ

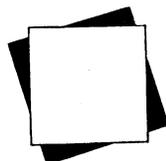
37

О правде в нас и вокруг нас

Г. ПАВЛОВСКИЙ. ТРИ ДНЯ В ФЕВРАЛЕ

41

*На внутренних страницах обложки — рисунки
Игоря СМИРНОВА (г. Москва).*

«Уважаемая редакция...»

Прошедший год был для всех нас очень непростым. Будем надеяться, 1990-й принесет добрые перемены в жизни каждого из нас — и тех, кто делает и распространяет «Век XX и мир», и тех, кто его читает. Всего вам самого хорошего, дорогие друзья!

Право на покаяние

Вопрос о смертной казни, поднятый вашим журналом, является наипервейшим в ряду вопросов нравственного возрождения нашего общества. Если мы не сможем подняться над примитивным желанием мести, если в арсенале наших средств борьбы с тяжкими преступлениями не найдется ничего, кроме узаконенного убийства, то бесполезно ожидать смягчения нравов в нашем обществе, снижения уровня жестокости преступлений. Общество должно быть нравственно сильнее преступника. А взявший меч, как известно, от меча и погибнет.

Смертная казнь осужденного имеет три необратимых аморальных следствия:

1) Возможная судебная ошибка уже никогда не будет исправлена.

2) Государство поощряет одного из членов общества (исполнителя приговора) к убийству человека, лично ему ничего не сделавшего плохого.

3) У человека навсегда отнимается возможность к раскаянию в совершенном преступлении.

Быть может, смертную казнь следует заменить пожизненным заключением или более продолжительным сроком, например — 25 лет. В этом случае цель правоохранительных органов — изоляция преступника от общества — достигает-

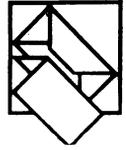
ся, преступнику же остается возможность жить и изменить свое отношение к содеянному.

С вопросом о смертной казни тесно связан вопрос о содержании заключенных вообще. Ведь приговор преступнику имеет в виду лишение его свободы, а не вообще всяких человеческих прав, обрекая его на скотское существование в адских условиях наших современных мест заключения. Государство и общество не имеют права обречь людей на нечеловеческие страдания и унижения. Известна формулировка, обращенная к заключенным: «Вам здесь не дом отдыха!» Но это не значит, что места заключения должны становиться адом на земле.

Государство и общество должны смотреть на преступников, как на нравственно тяжелобольных людей.

По отношению к этим людям необходимы и твердость, и решительность, но не бесчеловечность, особенно тогда, когда они уже за решеткой. Жестокость и бесчеловечность наших мест заключения могут лишь озлоблять преступника, в то время как более гуманное содержание заключенных скорее всего снизит процент рецидивной преступности.

Александр БОРИСОВ,
священник,
г. Москва.

Давайте познакомимся...

Зачастую, встречая на улице, не могу отличить туркмена от узбека, чеченца от черкеса, аварца от абхазца, алеута от адыгейца (хоть они и с разных концов света)...

Почему и придуманы — вовсе не для оскорбления — обобщающие названия — прозвища типа чукчи, «нацмены» и т. д.

У меня еле хватало сил и терпения сначала прочитывать, а потом пробегать длинные и удивительно однообразные выступления по национальному вопросу на Пленуме ЦК КПСС. Но я так и не нашел ни то что ответа, а даже постановки вопроса, который я сейчас поднимаю.

Для начала рассуждений выбрал фразу Р. Н. Нишанова, призванного по долгу службы быть межнациональным миротворцем: «Мы должны уважать и ценить друг друга, кто бы к какой национальности ни принадлежал, и оберегать любой народ от незаслуженных оскорблений».

Очень правильные слова. Но ни он и никто другой так и не сказал, что чтобы уважать, ценить, любить или хотя бы терпеть, надо друг друга **знать**.

Мы не знаем друг друга и не стараемся узнать. Мы совершенно безграмотны этнически, в том числе и антропологически. Для нас достаточно называть друг друга «узкоглазыми», «черномазыми» и т. п., не утруждая себя уделить внимание настоящей антропологии соседа по тротуару, городу, республике, земляка по Союзу. Считается, что человек — два уха, вот и уважай. Для иллюстрации наших познаний в этом вопросе почитаем «Советский энциклопедический словарь» (1985):

черкесы (самоназв.— адыге) — народ в Карачаево-Черкесской АО, чеченцы (самоназв.— нохчий) —

народ в Чечено-Ингушской АССР и Дагестанской АССР,

для полноты узнаем, что ингуши — народ в Чечено-Ингушской АССР.

Ну, а дальше любой может и без словаря продолжить: эстонцы — народ в Эстонской ССР, грузины — в Грузинской, киргизы — в Киргизской и т. д.

Вот и все наши познания!

Никто — ни «Центр», ни сами народы — не стараются ознакомиться с остальной мир или хотя бы окружающих со своим происхождением, историей, особенностями взаимоотношений с природой, обычаями, нравами, привязанностями, народной философией, умственными наклонностями.

Многоязычное государство, многоязычная партия, многоязычный комсомол этим этническим образованием не занимаются.

Литература, телевидение, радио, периодическая печать полностью отключены от этнического взаимодействия народов.

Язык, искусство, культура, общественная жизнь — через Москву по-русски. Р. Х. Хабибуллин справедливо возмущался на Пленуме, что даже им в их республике **дозволено** (кем?!), вещать по-башкирски по радио три часа в сутки. А как быть башкирам, например, в Свердловске, где вообще не звучит родная речь?

Советское радио вещает за рубежом на десятках языков. Есть ли вещание хотя бы через Москву (если мы технически не способны из республик) на языках народов СССР, чтобы можно было слышать родную речь со своей родины на всей территории Союза?

Тот, кто ездит по стране, знает, что в Хабаровске, Ташкенте, Ка-

зани, Херсоне, Риге, Батуми нас кормят одними и теми же, как из одного котла, щами или рассольником по-ленинградски и унифицированной интернационалистской котлетой. Общепит — это не общественное, а всесоюзное питание. Так же как и духовная пища.

Платформа КПСС предлагает «...создавать условия для развития интернационалистских процессов взаимодействия культур в масштабах всей страны», призывая, что «давно уже не срабатывают высокопарные фразы о единстве, оторванные от реальности, не подкрепленные убедительными аргументами лекции, беседы, выступления прессы».

Но разве изменится дело к лучшему, и мы начнем больше друг друга уважать, ценить и любить только от того, что каждый станет говорить на своем языке, обособляясь в национальные сообщества, без выхода на межнациональную, без пропаганды своих национальных ценностей в окружающей людской среде.

Необходимо, на мой взгляд:

— средствами литературы, периодической печати, радио, телевидения, театра, эстрады ликвидировать этническую безграмотность широких слоев населения,

— издать массовым тиражом этно-

графо-антропологический энциклопедический словарь народов СССР,

— издавать общедоступный межнациональный журнал, не казенно-пропагандистский, а именно познавательный, задачей которого было бы взаимное знакомство друг с другом народов и народностей,

— выделить на первой программе центрального телевидения ежедневный национальный хотя бы час, предоставляя поочередно этот час каждой союзной, автономной республике, области, округу. Пусть они в этот час сами представляют свой народ от древности до сегодняшнего дня максимально правдиво, без бахвальства, лозунгов и показателей соцсоревнования, лишь бы доказать равенство среди равных,

— обеспечить межреспубликанский обмен радио и телепрограммами,

— обеспечить радиовещание на национальных языках с выходом за пределы национальных республик.

Мы будем уважать друг друга и не допустим оскорбления национальных чувств и национальных ценностей друг друга, когда будем знать, что этими ценностями дорожат и сами народы.

Н. ТИМОШЕНКО,
инженер,
г. Свердловск.

СССР — космополис?

Сегодня, как никогда раньше, важен разговор о «пирамиде», затронутый в статье Седы Вермишевой (№ 4/1989). Ведь если эта пирамида начнет рушиться, всему миру будет несдобровать. Не понимают этого лишь недалёковидные экстремисты, стремящиеся раскачать «пирамиду» снаружи и изнутри. Повторяю, если она рухнет (по типу Ливана), никому не будет «уютнее»...

У Вермишевой ценна мысль — будущее за советской федерацией. Но она, как мне кажется, не дово-

дит мысль до конца. Реальность такова (и не только у нас, а во всем мире), что сегодня практически уже нет «чистых» этнических пространств. Они все многонациональны. Поэтому нужно говорить лишь о федерации многокультурных (многонациональных) территориальных единиц, выделенных не по принципу преобладания жителей той или другой национальности, а совсем иначе.

Я уже писал (ЭКО, № 9, 1988), что наша страна состоит всего из 10—12 естественных регионов, сложившихся

в процессе многомиллионлетней эволюции Природы и обладающих признаками геоэкологической самоорганизации. Они разные по природно-хозяйственным возможностям, но в целом удачно дополняют друг друга и создают экономическую целостность, то есть многокультурное единое государство СССР.

Согласен полностью, что проблема Нагорного Карабаха не решена. А таких проблем в многонациональном государстве масса. И они вообще не решаемы в рамках традиционного принципа преимущественного права одного народа (расы) на ту или иную территорию. Нужно менять сам принцип.

Что конкретно предлагаю:

1. Конституционно и всеми прочими способами закрепить неделимость СССР как единого, целостного многокультурного государства.

2. Сделать то же в отношении права каждого народа (расы) на свободное пользование как собственной, так и любой другой культурой, рассматривая это как проявление свободы совести. Но не более того, без принуждения!

3. Отказаться от районирования СССР по расово-национальному признаку вообще, выделив на его терри-

тории ряд многокультурных федераций. Территориально они должны совпадать с указанными геоэкологическими регионами. Тогда появится реальная предпосылка для справедливого решения любых национальных и расовых проблем, никого не подчиняя друг другу из-за того, что кто-то, где-то оказался не на «своей» территории.

Главный принцип таков: социально-хозяйственное развитие страны строится на основе создания природно-хозяйственных систем, ориентированных на естественные рубежи регионов, о которых сказано выше, имеющиеся в природе (а не на унаследованные от прошлого, часто вообще архаические и случайно-произвольные силовые границы), а культурная жизнь каждой, даже самой малой, народности (национальности, расы) развивается вне конкретных территориальных рамок отдельных регионов, в масштабах СССР в целом.

Между прочим, не решив этой проблемы, мы не сможем осуществить и перестройку. Реальности надо уважать.

Александр САДОВСКИЙ,
кандидат
геолого-минералогических наук,
г. Магадан.

Бояться ли «жесткого правления»?

Невероятным парадоксом выглядели бы начавшиеся сегодня среди интеллектуалов разговоры о «жесткой руке», если бы они прозвучали еще год назад. Как же так, приложив столько сил для разоблачения сталинизма и его последствий, мы снова начинаем размышлять вслух о необходимости диктатуры.

Все это значит, что история прошла, и мы остались один на один с печальными реалиями, а они таковы: деклассированное население страны не жаждет, вопреки всем увещаниям, создания рыночных отношений, не верит, что новый иму-

щественный передел решит все его проблемы. 70-летняя обстановка перманентной классовой борьбы на внутренних и международных фронтах не прошла даром: изменилась социальная психология народа, выработалась устойчивая привычка к попрошайничеству у государства и перераспределению, более похожему на грабеж.

Гласность разбудила людей, но, проснувшись и увидев свою нищету, они первоначально возжелали, ничего не меняя в производственных отношениях, обтрясти партийную елку, а когда часть официальной

пропаганды ткнула пальцем в кооператоров, увидели своих врагов в них. (Я думаю, а что было бы с аппаратом сегодня, если бы не существовало такого громоотвода как наша «нецивилизованная кооперация». А какая еще может быть в такой стране?) Подавляющее большинство населения СССР так же безграмотно, как безграмотны жители стран Африки и Азии. Под грамотностью я подразумеваю не элементарное умение считать обесцененные деньги или писать прошения народным депутатам, а способность ориентироваться в современных системах информации и технологии.

Образовательная дремучесть + нищета + этическое бескультурье дезорганизованного, автоматизированного общества демократическим путем сметут любую демократию и установят самую худшую диктатуру — черни, толпы.

В этих условиях было бы логичным введение имущественного ценза на выборах, но такая постановка вопроса противоречит популистской ориентации М. Горбачева. Он «отличный парень» для многих сотен миллионов людей на планете и останется им, диктатором ему не быть. Каждая революция имеет своего «Керенского», объективно выполняющего очень положительную роль (следует вообще лучше разобратся с исторической оценкой фигуры Александра Федоровича Керенского).

Сможем ли мы уйти от логических закономерностей развития революционного процесса или сумеем в условиях усиливающегося кризиса, нарастающего недовольства и все более частых выступлений по национальным и политическим проблемам создать высокоразвитое общество? Я бы ответил «да», если бы видел реально существующий рост интересов, социальных групп, заинтересованных в финансировании нормального рынка. Но у нас их нет. Пока аппарат старательно кастрирует экономическую реформу, все интересы сводятся к групповым

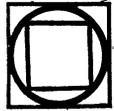
набегам на фактически единую (незирая на формальные различия) государственную собственность.

Раздающиеся в этих условиях голоса о возможности переворота представляются достаточно убедительными. То, что не может сделать современное политическое руководство, будет под силу новым фигурам, не связанным старыми идеологическими подходами. Более того, на мой взгляд, даже приход к власти старых застойных сил не будет для общества катастрофой. Они не смогут руководить по-старому, миф о «развитом социализме» разрушен окончательно, и никакие попытки найти общественную опору в трудящихся не найдут поддержки.

Кроме того, получив предметный урок на судебных процессах брежневских нуворишей, они будут вынуждены обезопасить свое будущее не закапыванием коробов с деньгами, а легитимацией новых общественных отношений. Нормативное узаконивание частной собственности для аппаратных нуворишей куда более надежная гарантия от экспроприаций «митинговой демократии». Подобное «жесткое правление» должно быть деидеологизировано и иметь ограниченный характер, оставляя место для начинающего подниматься гражданского общества. Что же касается наших нравственных переживаний по поводу узаконивания статуса тех, кого мы ненавидим сейчас от всей души, то здесь здравый смысл не должен слушаться эмоций. Французская буржуазия Наполеона тоже возникла из бывших монтаньяров.

Нормальный рынок все расставит по своим местам. Талантливые аппаратчики сослужат пользу всему обществу, а бездарей товарно-денежные отношения выкинут на помойку куда быстрее демократии. Законы рынка объективно справедливее номенклатурной возни.

Игорь КОНДРАТЬЕВ,
социолог,
г. Куйбышев.

С КЕМ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ?

Известно, что многие люди, называя себя интеллигентами, любят к месту и не к месту говорить о народе и от имени народа. Однако, листая официальную и независимую прессу, я практически не встречал понятных народу формулировок. Читаю длинные, насыщенные терминами цветистые фразы на пол-абзаца. И создается впечатление, будто авторы, дорвавшиеся наконец-то до возможности публикации, забывают трудиться над просвещением народа — рабочего класса, крестьянства и других непривилегированных слоев советского общества.

Никого не обвиняю, но как мы дошли до жизни такой и как остановить сползание к катастрофе? Наблюдая огромный разрыв между рабочими и интеллигенцией, как не вспомнить предоктябрьский период 1917 года. Видимо, и тогдашняя интеллигенция занималась разборами в своем кругу...

На собственном «стройбатовском» опыте, когда Родина послала меня после окончания педагогического служить в военно-строительные части, я испытал, что человеку, когда он работает, как лошади, редко приходят в голову высокие мысли. В течение первого полугода службы я пробовал читать — и не мог осилить больше половины страницы. Если спросить у работников, например, московского метро, что они думают о правозащитном движении в СССР, ответ, видимо, будет не в пользу людей, рискующих в борьбе за перестройку здоровьем, личной свободой и даже жизнью (как показали события в Тбилиси 9 апреля 1989 года).

Может, попробуем разговаривать с народом на языке народа? Давайте напярех извилины и подумаем, как живут рабочие. Ложатся поздно, встают рано — а недосыпание само по себе истощает нервную систему. Добавим сюда тяжелые условия труда — моно-

тонность, физические нагрузки, шум, загазованность и многое другое. После работы пара часов на личную жизнь — семья, дети. А ведь без участия рабочих в общественном движении за перестройку не будет ни прав человека, ни еды нормальной, ни медицины, которая лечит. Ничего хорошего не будет.

Почему мы никак не поймем, что ни рабочим, ни интеллигенции по отдельности ничего в этой стране к лучшему не изменить — слишком запущены дела во всех сферах деятельности. Например, практически не обсуждается детская проблема. Почему? Ведь дети — наше завтра. Кроме того, что они люди (и еще не успели испачкаться, в отличие от многих из нас), они подрастут и будут бороться — либо с **несправедливостью**, либо с **порядочностью**. Давно ли были детьми те, кто убивал людей в Тбилиси 9 апреля?

Не будем здесь уделять много места вопросу о том, кому выгодно сталкивать лбами рабочих с интеллигенцией, особенно — с провозащитной ее частью. Понятно, кому это нужно, — однако насколько бюрократии будет удаваться эта политика, зависит от того, найдет ли интеллигенция общий язык с рабочим классом.

Как? Во-первых, все должно быть честно, вплоть до признания интеллигенцией своей **некомпетентности**. Нужно быть готовыми к вопросу со стороны рабочих: «Зачем вы к нам пришли? Сами, что ли, не можете справиться?» Трудно кому-то будет смирить чувства превосходства над теми, кто нас кормит, поит, одевает, возит и многое другое. Но скажем честно: «Да, без вас не можем. Давайте работать вместе — каждый из нас будет делать то, что он может».

Необходимо заметить, что гласность, сводящаяся к одному освещению без-

законий, сегодня начинает работать на бюрократию — при явном недостатке дел и сдвигов, народ все более озлобляется. Нетрудно догадаться, что при обострении политической ситуации в стране или отдельном регионе эта злоба будет направлена отнюдь не на истинных виновников. Пострадают те, кто наиболее незащищен перед любым произволом. Достаточно вспомнить Минск (30 октября 1988 года), Сумгаит и недавние события в Грузии, Фергане, Казахстане.

Начиная с 1917 года, мы, жители России, убиваем друг друга. Даже когда воевали против фашизма, репрессии продолжались. А сейчас докатились до того, что спокойно наблюдаем, как волна насилия и унижений уже почти захлестнула наших детей. Что уж там

говорить о животных и деревьях... те просто вырубаются.

Что мы за люди? Неужели мы жить не можем без того, чтобы постоянно кого-нибудь мучить, уничтожать, унижать? Кому-то не понравится, что я все время говорю «мы» и «нам». Поясню — **мы все** соучастники всего, что происходит в нашей стране (более того, процессы, происходящие в СССР, влияют на жизнь всей планеты). Бюрократия только руководит. Большинство интеллигенции — молчаливо соглашающиеся соучастники, если не непосредственные исполнители. Им бы только разоблачать преступников прошлого...

Владимир СТЕПАНИШИН,
г. Москва.

ПОЧТА

Усеченная цитата

В интересной статье «Перспектива советского социализма», опубликованной в № 5/89 бюллетеня, Б. Курашвили считает, что крылатые слова В. И. Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» имеют лишь ситуационный характер. В таком виде, как мы привыкли повторять эти слова, я с ним согласен. Но дело в том, что у В. И. Ленина эти крылатые слова имеют продолжение. В плане доклада на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин дважды обращается к этим словам, и звучат они так: «Коммунизм = советский строй + электрификация. Электрификация как ба-

за демократии» (ПСС. Т. 42, с. 380—381; подчеркнуто мной).

Вторая часть, как видим, имеет глубокий смысл сущностного характера. Не случайно, наверное, мы так долго не хотели давать полный текст мысли В. И. Ленина. Ведь демократия как сущность или формула социализма не вписывалась в сталинское понимание социализма.

И. РЫСИЧ,
доцент кафедры
истории КПСС
Днепропетровского
сельскохозяйственного
института.

Потенциал ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Беседа с академиком Георгием АРБАТОВЫМ,
директором Института США и Канады АН СССР,
народным депутатом СССР

Корр. Если вы не возражаете, Георгий Аркадьевич, начнем нашу беседу с вопроса, казалось бы, сугубо теоретического. Не думаете ли вы, что уже в период зарождения Советского государства между принципом пролетарского интернационализма, провозглашенным основным принципом советской внешней политики, и принципом мирного сосуществования возникло реальное, а вовсе не вымышленное буржуазными идеологами, противоречие? Более того, эти «принципы пролетарского интернационализма и солидарности» нередко использовались тоталитарной Административной системой в качестве идеологического прикрытия, что на практике приводило к разбазариванию народных средств для демонстрации внешнеполитических «успехов»: появления новых «стран социалистической ориентации», установления дружественных отношений с «прогрессивными» режимами и т. п.

Г. А. Это вопрос весьма серьезный, и не просто потому, что кто-то прикрывался принципом интернационализма для защиты Административной системы, хотя и не исключаю напрочь и таких случаев. Это вопрос о генезисе важных марксистских представлений, имеющих прямое отношение к основам нашей внешней политики. И начал бы я с того, что в марксизме долгое время гос-

подствало убеждение, что революция произойдет сразу во всех странах, во всяком случае — во всех развитых странах. Маркс и Энгельс делали исключение, может быть, только для колоний, слаборазвитых стран, которым достаточно будет примера стран, где победил социализм, чтобы они перешли на этот же путь. Ленин впервые высказал идею о возможности победы социализма в одной стране. Это было еще во время первой мировой войны. Но это была идея о **возможности** такого поворота событий, а не его неизбежности или закономерности. И к моменту революци вопрос вовсе не был однозначно решен.

Тем более, что в ходе нашей революции возникла ситуация, когда против нас ополчилось четырнадцать капиталистических государств. С одной стороны — были революции в Финляндии, Баварии, Венгрии, в прибалтийских странах, бывших раньше частью Российской империи. Все это производило впечатление, что началась мировая революция, которую контрреволюция пытается подавить. И опять же международная контрреволюция — я имею в виду не только помощь белогвардейцам — но и прямую военную интервенцию. Некоторые «революционные романтики» утверждали, что мы должны быть готовы даже сложить свои головы ради

дела мировой революции и пролетарского интернационализма. Даже малограмотные крестьяне с лозунгами этой революции шли в бой, в нее свято верили (помните светловскую «Гренаду»?). Это было в Гражданскую. А на последнем ее этапе, когда на нас напала буржуазная Польша, Тухачевский шел в наступление с кличем: «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» И казалось: стоит нам вступить в Польшу — произойдет восстание польского пролетариата, а потом, когда достигнем Германии, произойдет то же самое — дальнейшее развитие революционного процесса.

Корр. Вы объясняете лозунг мировой революции и «поход за Буг» «революционной эйфорией»?

Г. А. Нет, во-первых, это была часть завершения чисто оборонительной войны, и во-вторых, что касается надежд на зарубежный пролетариат, это была не эйфория, а убеждение. Но поражение в Польше заставило задуматься над ситуацией, сосредоточиться на поиске нового, неромантического подхода. Был сделан и вывод о частичной стабилизации капитализма. Одновременно внутри страны произошло восстание в Кронштадте. На X съезде партии начали всерьез разбирать эти ошибки, впервые родилась идея «мирного сожительства» (уже потом начали употреблять слово «сосуществование»). Причем, «мирное сожительство» мыслилось только как возможность передышки в ожидании нападения извне...

При этом отголоски идей мировой революции еще долго звучали у нас, отказывались мы от них с каким-то внутренним стыдом, нам нужна была компенсация. Один из ее более поздних примеров — когда мы говорили: «Да, мирное сосуществование, но оно не исключает классовой борьбы». И даже шли дальше, утверждая, что мирное сосуществование предполагает особенно острую классовую и идеологическую борьбу. Мы вроде как делали уступку своей «революционной чистоте», своему «революционному первородству». Был комплекс, я бы сказал, «революционной неполноценности». Хотя его не должно было быть: мы тогда так много сделали для революции в других странах — уже фактом своей победы, своего существо-

вания, затем победы во второй мировой войне. Поэтому остальная наша помощь вполне могла и должна была бы выражаться в построении у себя общества, привлекательного для других, т. е. в силе примера.

Во времена зарождения административно-командной системы, во времена Сталина, сложилась эта практика злоупотреблений красивыми революционными лозунгами. И с ней не было покончено после XX съезда КПСС, хотя он сделал ряд важных выводов для нашей внешней политики. Разумеется, пережила эта практика период, который мы зовем застойным. При этом также и в международных отношениях, следуя дурным примерам других держав, мы с помощью красивых лозунгов подчас скрывали неблагоприятные дела.

Но все это отнюдь не значит отрицания понятий «интернационализм», «интернациональный долг» и «интернациональная помощь». Они существуют, как существуют и наши союзники, сотрудничество с которыми закреплено в договорах, существуют классовые, идеологические симпатии. Так же, впрочем, как и антипатии.

Корр. А не слишком ли дорого стоят эти идеологические симпатии?.. За неимением советских данных приходится пользоваться «данными» таких американских организаций, как «Херитидж фаундейшн». Так вот, по данным этой организации, Советский Союз тратил на войну в Афганистане 15 миллионов долларов в день, на поддержание экономической и политической стабильности на Кубе тратит ежегодно 5 миллиардов долларов, на оказание помощи санднистам в Никарагуа — 4 миллиарда долларов в год, в Анголе было потрачено 5 миллиардов за 1975—1987 годы, в Мозамбике — 1 миллиард (1975—1983), в Эфиопии — 3,5 миллиарда (1975—1986). Даже если предположить, что эти цифры завышены, скажем, вдвое, мы получим в сумме колоссальные расходы. Не целесообразнее ли было бы потратить эти средства на наведение элементарного порядка в собственной экономике, которая находится в катастрофическом состоянии? Получаем ли мы хоть какую-то выгоду от поддержки нежизнеспособных режимов?

Г. А. Я не был бы столь категоричен в определении этих режимов. Очень многие страны знают в своей истории периоды, когда многим иностранным наблюдателям их режимы казались нежизнеспособными или нестабильными, а потом они укреплялись, ситуация становилась нормальной. Очень большие сомнения вызывают и приведенные вами цифры, тем более, что они исходят от крайне правой, имеющей сомнительную репутацию организации (хотя вы правы в одном: а где взять достоверные?).

Вместе с тем вопрос этот достаточно сложен, и здесь не место упрощениям. Никарагуа, например, помогаем не только мы, но и западноевропейцы. Эта страна оказалась в очень трудном положении: против нее Америка ведет политику на удушение. Даже с точки зрения внутреннего положения она очень неоднозначна. Один лишь пример — там в правительстве участвуют также высокопоставленные представители католической церкви. Помощь такой стране очень многими честными людьми рассматривается сегодня как долг цивилизованных стран. И не надо идеализировать политику США (что, к сожалению, стали в последнее время часто делать), особенно в отношении стран Центральной Америки.

Теперь о Кубе. Те или иные стороны ее жизни можно оценивать по-разному, но она многие годы живет в условиях блокады, организованной Соединенными Штатами Америки. При этом Кубе приходилось и приходится нести большие военные расходы, связанные с обороной. Их необходимость — не выдумка, это жесткая необходимость, доказанная как собственным опытом, так и опытом других стран этого региона. Можно, конечно, спорить, насколько эффективную экономическую политику ведет Куба, но и мы в этом плане не ангелы, мы тоже отнюдь не всегда служили здесь примером для стран, которые пошли по социалистическому пути. Вы назвали также Мозамбик, Анголу, Эфиопию. Но ведь это очень бедные развивающиеся страны, а нас ругают еще порой на международных форумах, что мы недостаточно помогаем таким странам. Честно говоря, если бы у нас все было хоть относительно нормально в эконо-

мике, я бы даже с таким упреком согласился. В период застоя мы занимали неправильную позицию: поскольку мы все свои былые, оставшиеся от царизма «внутренние колонии», — Среднюю Азию, Закавказье и другие — вывели на свой же уровень, то мы, де, свой долг выполнили. А теперь бывшим колониям должны помогать их бывшие метрополии. В логике не откажешь, а политически — глубоко неверно. Мы сейчас совершенно справедливо считаем, что отсталость, бедность этих стран — это общая проблема: даже в плане укрепления международной безопасности необходимо, чтобы государства «третьего мира», где живет большинство человечества, нормально развивались. Уже и «просвещенный эгоизм» подсказывает такое решение, не говоря о гуманизме, о нормальном человеческом сострадании, не позволяющем забыть, что есть страны, где люди умирают от голода, что его жертвами ежегодно становятся миллионы.

Корр. Но ведь мы не наивные люди и прекрасно понимаем, что в действительности наша помощь расходовалась в большинстве случаев не на строительство больниц и детских домов, а на вооружение армии, подкуп чиновников, подавление оппозиции, на чрезвычайно крупные масштабные экономические проекты.

Г. А. Вот это действительно вопрос, который в ряде случаев надо решать. Раньше мы действительно помогали некоторым африканским странам, лидеры которых утверждали, что строят социализм (а мы этим утверждениям без всяких на то оснований верили), тогда как наша помощь на деле тогула в коррупции, в злоупотреблениях чиновников. И тут мы вправе требовать и от правительства, от нашего парламента и от специальных комиссий, чтобы общественности объясняли, как используется наша финансовая и другая помощь: что пошло народам, что — на бесхозяйственность, что было расхищено.

Корр. И все же вопрос, на наш взгляд, не исчерпывается только «правильностью» использования советской помощи. Сейчас, когда решается судьба перестройки, когда страна пытается выбраться из экономического и финан-

сового кризиса, когда перед нами стоит неотложная задача насыщения рынка продовольствием и потребительскими товарами, нужно пойти на радикальные меры — резко сократить фронт нашей помощи так называемым «дружественным режимам».

Г. А. Я думаю, что все должно идти вместе. Мы уже осуществляем курс на ликвидацию региональных конфликтов, и здесь есть серьезные достижения. Мы всегда должны были согласовывать нашу помощь с нашими возможностями, должны особенно тщательно делать это и впредь. Надо также помнить, что, исключая экстремальные ситуации, как-то: ликвидация последствий войны, катастрофическая засуха, иные стихийные бедствия (кстати после землетрясения в Армении и нам была оказана немалая помощь) — любая страна, включая самую бедную, больше получает не от подаяния, а от правильно построенного, взаимовыгодного сотрудничества. А мы плохо умеем это делать. Иногда вместо взаимовыгодного у нас получается взаимоневыгодное сотрудничество. Например, строим где-то в развивающейся стране большой металлургический комбинат или большую электростанцию, а там нет никакой базы для их функционирования, даже потребности настоящей в их продукции. Это справедливо и в отношении социалистических стран — то же святое заблуждение господствовало: первое, что надо сделать для социализма, для рабочего класса, — это построить большой металлургический завод. Мы понастроили их в свое время в странах, где нет ни руды, ни угля, которые мы же им теперь должны поставлять, хотя сами заводы уже устарели технически. Но есть прекрасные примеры нашего сотрудничества с другими странами, когда мы действительно помогли заложить основы индустрии.

Корр. Увы, ныне нам самим пора просить о помощи... Мы все больше отстаем от промышленно развитых стран Запада и приближаемся к странам, которые называем развивающимися: Аргентине, Бразилии и другим. История XX века знает примеры преодоления отсталости: Японии — после второй мировой войны, Южной Кореи, Тайваня и других «азиатских драконов» — в 60—80-е

годы. Во всех этих случаях резкое ускорение развития происходило в результате тесной интеграции экономик отстающих стран с экономикой «страны-лидера» или группы стран. Для Японии это были Соединенные Штаты Америки, для «азиатских драконов» — уже сама Япония, которая обеспечивала об этом? Ведь СЭВ не включает своих задач, возможности конверсии невелики, а потому без западных инъекций нам не ликвидировать наше технологическое отставание, не поднять уровня жизни.

Г. А. Вопрос конверсии для нас очень сложен и очень важен. Мы еще не научились это делать. Весь наш интеллектуальный, научный и технический потенциал надо перевести на службу народному хозяйству и мирным целям. Конверсия должна быть проведена в широких масштабах. И инъекции нам нужны не столько западные, сколько из собственной науки в собственную промышленность — в гражданскую, из передовых отраслей — в отсталые. Ведь в основе успехов американской, японской, южнокорейской металлургической промышленности, например, лежат наши разработки! А у нас, как оказалось, путь открытий от института Патона до организации производства на основе его открытий и изобретений значительно более долг, чем у них — от покупки советской лицензии до выпуска продукции (которую мы потом в довершение всего нередко импортируем). Вот в чем наша основная проблема, которую мы просто обязаны решить. Надеяться на одну щедрость западных стран тоже ведь трудно. Они не очень-то охотно передают технологию даже друг другу, делают это только при очевидной выгоде, в обмен на что-то. У нас, кстати, есть что предложить в сфере науки и технологии, используя острую конкуренцию на рынке. ФРГ определенно не заинтересована, чтобы Япония от нее отрывалась, Америка конкурирует и с теми, и с другими.

Корр. Хотелось бы выяснить ваше мнение еще по одному вопросу. В свое время Административная система, пытаясь удержаться на плаву, активно использовала тезис о «советско-американ-

ских отношениях как проявлении «глобального противостояния социализма и капитализма». Какие — в самых общих чертах — изменения в концепции советско-американских отношений произошли в последние годы? Ваше мнение представляет здесь особый интерес, ведь на Западе вас называют «главным экспертом Кремля по советско-американским отношениям». К тому же в последнее время появились предложения сэкономить на американском направлении часть политической и интеллектуальной энергии, которая могла бы пригодиться нам на обделенных вниманием участках международной политики.

Г. А. Я бы сказал, что был момент, когда считалось, что главной чертой эпохи является борьба между двумя системами, которая и определяет весь ход событий. А сейчас мы считаем, что мир — это что-то единое и взаимозависимое, хотя и полное противоречий и различий, порой очень острых. Однако со стороны США мы продолжаем видеть остатки «биполярного мышления», которое имеет, правда, прямое отношение даже не столько к классовому существу обеих систем, сколько к их физической мощи. Согласно этой школе мысли, после войны в мире образовался своеобразный силовой вакуум, который и заполнили СССР и США. Так возник биполярный мир — другие державы сошли с арены или были ослаблены войной.

В этом была известная правда. Сейчас же мир вновь многополярен, появились новые центры силы, поэтому изменилась и роль отношений СССР — США: они уже не играют прежней доминирующей роли, хотя остаются очень важными. Пока не устранена военная угроза, роль этих великих, мощнейших экономических и политических держав остается очень большой. В новом мышлении — и это отражено в наших государственных документах — международные отношения не сводятся к от-

ношениям СССР — США, они гораздо шире. Мы стремились учитывать это и в нашей политической практике в последний период.

Корр. Не кажется ли вам, что очень многие наши беды происходили и происходят оттого, что мы слишком часто с опаской оглядываемся на марксизм-ленинизм, как священное писание.

Г. А. Марксизм никогда не создавался как священное писание, законченное и способное в деталях истолковать любое явление. Даже верующие сегодня не воспринимают священное писание как абсолютную догму. Марксизм развивается, отрицая какие-то части своего прошлого, идет к следующим этапам. Сегодняшний империализм совсем не тот, о котором писал Ленин в своей знаменитой работе. Ему казалось, что это последний этап в развитии капитализма. Думаю, что сегодня он сделал бы другой вывод. И революция вопреки ожиданиям Маркса и Энгельса оказалась не всемирной, и много других явлений не уложилось в первоначальные формулы. Если бы капитализм не был способен к изменениям, то давно погиб бы, как и предрекали Маркс и Энгельс. А если говорить о его изменениях, то мы объективно много сделали для улучшения положения трудящихся в странах капитала. После революции, например, под давлением самого факта нашего существования и нашего примера социальное законодательство было легитимизировано в капиталистических странах. А раньше требования восьмичасового рабочего дня, социального обеспечения, бесплатной медицинской помощи и многого другого считались чуть ли не преступным анархизмом. Капитализм как бы учился у нас, когда его под воздействием нашего примера «прижимало». Нам тоже не зазорно смело учиться тому хорошему, что есть у других.

**Валерий ДИКЕВИЧ,
и Юрий ЮЖАНИНОВ.**

МИЛИТАРИЗМ И КУЛЬТУРА

Миротворческое направление общественной мысли продолжает разрабатывать тему, которая, как показывает наша почта, остро волнует всех и каждого. Читатели поднимают массу ранее «неприкасаемых» вопросов, связанных с морально-философскими, экономическими, политическими, экологическими и иными аспектами оборонной политики СССР. Предлагаем вашему вниманию очередную (после № 9/89) подборку материалов этой своего рода заочной читательской дискуссии.

Искушение силой

Капитан Валерий ДРАГУН,
корреспондент газеты
«На боевом посту»,
Забайкальский военный округ,
г. Чита

Недавно военная газета, в которой я работаю, перепечатала из «Военно-исторического журнала» статью московского прозаика-публициста Карема Раша «Армия и культура». Складывается впечатление, что для части армейского генералитета и консервативно настроенных военных, особенно из числа политработников, эта статья стала таким же событием, как печально известная статья Нины Андреевой для консервативных перестроечных сил. Иначе как понимать прозвучавшее на одной из наших редакционных собраний требование редактора изучить статью всем офицерам. Предполагалось провести по ней с нами собеседование. При этом редактор ссылаясь на распоряжение командующего войсками округа. Восторженные отзывы об этой статье мне приходилось слышать и от занимающих высокие должности штаб-

ных работников. И это вызывает беспокойство. Ведь людям навязываются, по моему твердому убеждению, заведомо ложные представления об армии, искажается ее история. Размышлениями, на которые она меня натолкнула, я хотел бы поделиться с читателями вашего журнала.

С тех пор, как образовались государства, они либо воюют, либо находятся в военном противостоянии. Военное противостояние государств или союзов государств всегда есть противостояние их армий. Армия возникла в системе государственных образований как инструмент насилия и объективно выступает разрушительной силой. Такова ее природа.

Этот, казалось бы, единственно верный взгляд на армию даже сегодня часто оспаривается. Ведь любое государ-

ство заинтересовано, чтобы Вооруженные Силы пользовались в народе любовью и уважением. Поэтому в большинстве стран издавна создавался культ армии. Армия представлялась олицетворением национального характера, воплощением народного духа. Романтическое отношение к ней на протяжении долгого времени было характерно и для многих лучших представителей национальных культур, великих писателей и художников. Армия воспринималась ими в первую очередь как защитница и спасительница народа. Часто она действительно выступала такой силой, когда отражала внешнюю агрессию или же помогала в ее отражении другим странам. В такие исторические моменты армия и народ представляли как единое целое.

Всегда была велика и помощь армии гражданскому населению в ликвидации последствий войн, стихийных бедствий, в выполнении крупномасштабных хозяйственных задач. Все это поднимало ее значение и авторитет в народе. Многие и сейчас видят в ней силу, без которой нельзя обойтись. Не в конкретное историческое время, а вообще. При этом забывают или не понимают, что какими бы ни были дела армии, ничто не может изменить ее природы. Ни одной армии не дано превратиться из силы разрушительной в силу созидательную. Она нужна **враждующему** человечеству и выступает оружием этой вражды, ее порождением и в какой-то мере источником. Ей не должно быть места в будущем, **ненасиленном** мире.

Формула «сильная армия — сильное государство» может быть принята в нынешних условиях только с весьма существенными оговорками и уточнениями.

В связи с этим хочется высказать некоторые принципиальные соображения по поводу опубликованной в «Военно-историческом журнале» статьи прозаика-публициста Карема Раши «Армия и культура». Эту статью я выбрал не случайно. Она представляет собой как бы сгусток основных идей и дово-

дов сторонников оборонного сознания, заключает в себе взгляды на армию как на фундамент государства. И не только государства. Автор делает вывод, что армия — основа подлинной народной культуры, так как культура — это память, а армия является хранительницей памяти, наследует и приумножает лучшие национальные традиции. Армия, безусловно, неотделима от общества, ее питают его соки, но если поставить знак равенства между ней и культурой и, более того, определить ее первичную роль в этом сочетании, то почему бы и войну, оружием которой она служит, не считать основой мира?

Карем Раши видит в русской и советской армии силу исключительно миротворческую, на протяжении всей истории нашего государства утверждающую лишь высшие духовные и нравственные ценности, хранящую в чистоте и святости народную память и душу. В подтверждение этому он приводит немало фактов, воспроизводя по ходу повествования славную боевую летопись Российского государства и Советского Союза. Безусловно, в своей военной истории нам есть чем гордиться. Но есть чего и стыдиться. Наша армия, как известно, не только защищала народ от чужеземных нашествий и участвовала в освободительном движении, но и жестоко подавляла его борьбу против деспотизма и тирании. У Карема Раши нет об этом ни слова. Он избегает того, что не играет на его главную идею, что мешает созданию некоего мистического образа армии — культуры. Он утверждает, что на ратной службе всегда выковывались лучшие силы народа, носителя истинной народной культуры. Действительно, через армию в России веками проходила наиболее здоровая и жизнеспособная часть мужского населения. Только не армия улучшала людей, а лучшие представители народа в какой-то мере облагораживали ее нравы. Армия ограничивает свободу человека и этим не возвышает, а унижает его. Она готовит человека к убийству себе подоб-

ных и этим еще больше разрушает его как личность. Пусть даже при определенных обстоятельствах в армии полнее, чем где-либо, раскрываются лучшие качества человека. Это же в равной степени относится и к худшим его наклонностям.

Наш народ действительно всегда отдавал Вооруженным Силам все лучшее, что имел, нередко вынужденно отдавал. Но, как и любой другой народ, он от этого больше разорался, чем обогащался. Сегодня эта мысль уже вряд ли требует доказательств. Кто меньше тратит на военные приготовления, тот успешнее развивается. Примером тому в современном мире могут служить Япония и ФРГ. Раньше тоже так было, но слишком явно господствовало право сильного. Военная сила многие века оставалась едва ли не единственной вершительницей судеб человечества. Сейчас же становится все очевиднее, что ни одной серьезной проблемы в мире военным путем не решить. Человечество накопило столько смертоносного груза, что способно неоднократно уничтожить себя, и каждый неосторожный шаг в таких условиях чреват катастрофой.

Закономерно, что ни американцы во Вьетнаме, ни советские войска в Афганистане не сумели добиться военного успеха. Никто никому уже не позволит силой оружия распоряжаться чужими судьбами. Установилось зловещее стратегическое равновесие, которое, однако, должно способствовать переходу человеческой цивилизации в совершенно новое качество. Так, очевидно, дано было человеку: из-за несовершенства своего, через постоянное наращивание насилия прийти к дальнейшей его возможности, а, значит, и к последующему отрицанию. К практическому воплощению идеи о ненасильственном мире.

Поэтому, когда Карем Раш оправдывает ввод наших войск в Афганистан, жалеет о том, что наше государство не сделало эту войну популярной в народе, он не в ладу со временем, он пребывает в плену опасных заблуждений, являясь жертвой искушения си-

лой. Великий грех поддаваться этому искушению в ядерный век.

Бывший американский президент Рональд Рейган в беседе с корреспондентами газеты «Известия» сказал как-то, что народы не потому не доверяют друг другу, что вооружены, а вооружаются, потому что не доверяют друг другу. С таким утверждением трудно полностью согласиться. Первопричиной военного противостояния является, конечно, взаимная вражда и недоверие государств. Но уже само обладание оружием способствует их обособлению и усилению вражды — ведь мирного оружия не бывает. Даже когда оно предназначено для защиты. Как несовершенен каждый человек, так несовершенны и каждое государство. Если оно обладает Вооруженными Силами, то неизбежно несет свою долю вины за военное противостояние. Опираясь на мощь армии, ни одна страна не может быть оплотом мира во всем мире. Ни одна страна не может таким образом облагодетельствовать чем-то другие страны.

Эти выводы выстраданы человечеством. Они не позволяют принять идею служения в понимании Карема Раша. Нельзя согласиться с тем, что служение офицера идентично служению священников. Это не так даже в том случае, когда религия полностью втиснута в прокрустово ложе государственной идеологии. Конечно, священники тогда могут служить и насилию, история знает такие примеры, более того, знает даже крестовые походы, вдохновлявшиеся церковью, но это, во-первых, противоречит их назначению богослужения и, во-вторых, не обязывает священников самих брать в руки оружие. Военные же служат только государству, и только с оружием в руках. Необходимость такой службы сохраняется до сих пор, но ее нельзя рассматривать как благо. Ни для народа, интересы которого не всегда и не во всем выражает государство, ни тем более для человечества. Правильная оценка роли военного насилия и армии как его инструмента, быть может, одно из первых обязательных условий для преодоления существующих в мире недоверия и вражды.

Армия среди наций

В. Вершинин, филолог,
г. Йошкар-Ола

В вашем бюллетене (№ 2/1989) было опубликовано письмо военнослужащего В. Семашко, высказавшего совершенно правильные опасения относительно национальных воинских формирований в СССР.

Однако могут ли такие опасения служить аргументами против создания национальных частей в нашей армии?

Во-первых, национальные воинские формирования — не самостоятельные армии, способные значительное время вести «несанкционированные» боевые действия против кого-либо. Во-вторых, национальные формирования достаточно крупных народов (с населением 4—5 и более миллионов человек) вовсе не должны быть мононациональными, достаточно, если в них будет 60—70 процентов военнослужащих коренной национальности, это вполне удовлетворительно защитит крупные народы от ассимиляционных процессов. Народам же, численность которых, один-два миллиона или меньше, нынешняя система призыва в армию явно приносит вред: люди отлучаются от родной речи, прослужившие два-три года нередко начинают стесняться своей национальности или же в его родной речи появляется масса русских слов, так теряется самобытность языка. Главное: формирующийся молодой человек на 2—3 года лишается права (или возможности, что на практике одно и то же) разговаривать на родном языке. Представители немногочисленных народностей в армии испытывают долговременный стресс, кроме «дедовщины», еще из-за отсутствия возможности поболтать на своем языке.

В-третьих, вполне возможно изменить законы и правила, например, гораздо строже наказывать военнослужащего за проявление враждебности к представителям иной национальности; участие групп военнослужащих в этнических противостояниях и стычках вполне может быть исключено (выводом национальных частей из региона при появлении призна-

ков возможного конфликта, сокращением процента коренной национальности в них до 30—40% и т. п., даже временный роспуск национальных формирований).

Трудно согласиться с тем, что создание национальных частей приведет к расколу единства советских народов, тем более, что служить в национальной части будет не обязанностью каждого призывника, а его правом. А вот лишение его такого права вряд ли будет служить интересам дружбы наших народов.

А зачем существует правило: служить не ближе 100 км от отчего дома? Зачем массы людей без особой нужды перемещать на многие тысячи километров, перегружая железную дорогу и Аэрофлот?

Сейчас растет национальное самосознание. Но ведь офицеры из представителей малых, небольших народов вряд ли при нынешних условиях могут обучить родных детей своему языку, сделать носителями культуры родного народа. Не потому ли среди них так мало офицеров? Не станет ли их еще меньше при дальнейшем росте национального самосознания? Вопросы далеко не праздные.

Во всяком случае, я и мои знакомые считаем, что национальные части не только нужны, но и необходимы, возможно, за исключением (временным) регионов, где ситуация носит далеко не мирный характер, и разжигается вражда к другим национальностям.

А вообще-то радостно, что в нашей армии — сокращение. Трудно симпатизировать тем, кто ругает за увеличение военных расходов и численности армии. В этом чувствуется избыток имперских чувств и недостаток рационализма. Нужны ли были десятки тысяч атомных боеголовок якобы для того, чтобы исключить нападение другой стороны? Нужен ли для одноэтажного дома фундамент, как для сорокоэтажного?

Кованая пята

В. ВОРОНОВ,
историк,
г. Воронеж

*А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздвоят...*

А. С. ПУШКИН

Уже более четырех лет длится «эпоха» перестройки. Для многих людей ее результаты сводятся к следующему: резкое ухудшение экономического положения, обострение социальных противоречий и национальных проблем. Перестройка экономики явно буксует. Лишь в политической сфере мы имеем прорыв, но и этот успех лишь относительно: прорыв в центре (Москва и Ленинград) и Прибалтике сочетается с откровенной реакцией в значительной части провинции. Центральная власть, лидеры партии и правительства проявляют непоследуемость, отнимая одной рукой то, что даровано другой. Люди теряют веру в перемены, потеряно напрочь доверие как к властям местным, так и к центральным. Все чаще мы задаемся вопросом, надолго ли эти новации, не проснемся ли мы одним прекрасным утром «в добрых старых временах», «черного сентября» 1973 года в Чили? Академик А. Д. Сахаров считает, что в такой накаленной до предела ситуации «возможен военный переворот» или «возможен и правопартийный переворот» («Огонек», 1989, № 31, с. 28).

В августе 1968 года Советская Армия сокрушила чехословацкую перестройку, «Пражскую весну»...

Не может ли эта армия сокрушить нашу весну?

У генералитета и значительной части офицерского корпуса есть веские причины быть недовольными перестройкой. Это связано как с процессом разоружения, так и с курсом на демократизацию армии, всего общества в целом. Разоружение наносит серьезный удар по советскому военно-промышленному комплексу, в наличии которого уже нет возможности сомневаться. Добавим к этому и курс на выход из целого ряда локальных военных конфликтов, отказ

от использования Вооруженных Сил за рубежом — все это ведет к ослаблению влияния военных на выработку внешней политики, глобальной стратегии. Надвигается и вполне реальный процесс сокращения армии.

Военное ведомство лишилось ореола секретности и непогрешимости, лишается возможности втихую и бесконтрольно наслаждаться гигантским бюджетом. В перспективе — значительное сокращение военных ассигнований. Нарастает вал критических публикаций о позорной для нас афганской «экспедиции». Увольняемые из армии в связи с сокращением военнослужащие (а увольняют в первую очередь не худших, а способных на самостоятельные действия, инициативных и ершистых офицеров) оказываются «на гражданке» у разбитого корыта. Крайне негативно восприняло армейское и штабное офицерство, не говоря уж о генералитете, и процесс переосмысления прошлого, очищения от грязи сталинщины. Наглядное свидетельство этому публикации «Красной Звезды», «Советского воина», «Военно-исторического журнала». Особенно показателен махрово-реакционный и шовинистический цикл статей Карема Раша «Армия и культура» в «Военно-историческом журнале» (№№ 2—9 за 1989 год). Попытки же навести элементарный порядок в армии (ликвидация неуставных отношений, либерализация системы прохождения службы и демократизация всей армейской системы) вызывают просто дикое озлобление. Не меньшее озлобление и неприятие вызвала дискутируемая и пока лишь абстрактная идея профессиональной армии.

Действительно, если армия станет профессиональной, то из нее вылетит добрая часть тех, кто бесцельно протирает штаны в многочисленных штабах,

вылетит большая часть гигантски раздутого и малокомпетентного отряда маршалов и генералов. Если армия станет профессиональной, то она перестанет быть гигантским полудармовым стройбатом и станет нормальной армией. Естественно, что большая часть их, кому грозят грядущие перемены, не жаждет их. Демократизация общества, по мнению идеологов военщины, подрывает и расшатывает дисциплину в армии. А уж возможность парламентского или иного контроля за армией, ее бюджетом воспринимается многими как оскорбление. Недовольны военные и тем, что в последнее время их слишком часто стали привлекать к мероприятиям полицейского характера, для разного рода акций на национальных окраинах СССР.

По мнению военных (не всех, но многих) экономический кризис, политическая нестабильность и национальные конфликты — прямое следствие и результат перестройки. У военных усиливается стремление разом навести порядок, стукнув железным кулаком. По сути дела, армия уже отпетегировала сценарий выхода на политическую сцену — военное положение в Нагорном Карабахе, Ереване, Баку, Тбилиси... Туда танки вводить не надо — они уже там. Особняком стоит кровавая бойня в Тбилиси, учиненная войсками под командованием генерал-полковника Родионова. Наглядно продемонстрировано, как войска могут и как будут подавлять демократическое движение. Мы на практике убедились, что солдаты и офицеры выполнят любой, даже преступный, приказ, не остановятся перед убийством женщин и детей. Опасность военного переворота довольно велика. Фактором, сдерживающим его, в какой-то степени является отсутствие в армии популярной личности, кандидата на роль «спасителя Отечества», доморощенных наполеонов или, на худой конец, генералов корниловых, способных сплотить офицеров и генералитет. «Герои» провалившейся афганской авантюры на эту роль явно не годятся. Существует и довольно сильный разрыв между высокообразованным и критически мыслящим офицерством ряда специальностей и родов войск и штабным офицерством. Тем не менее, нет никаких оснований

сомневаться в том, что если армия получит приказ подавить «смуту» или на это решится сам генералитет, то большая часть офицерского корпуса и солдатской массы этот приказ выполнит.

Итак, переворот и установление диктатуры военного типа вполне возможны. Механизм установления «сильного режима» у нас в наличии. Более того, постановление Верховного Совета от 4 августа 1989 года об усилении борьбы с преступностью осложняет ситуацию: создаваемые штабы по борьбе с преступностью вполне могут стать штабами переворота и органами новой диктатуры. Увеличивается численность внутренних войск, расширяются их права, создаются новые спецподразделения. В среднеазиатском регионе демократические тенденции перестройки практически парализованы, блокируются попытки Центра очистить регион от коррупции и организованной преступности. Дело дошло до открытого мятежа в Фергане... Определенные круги умышленно провоцируют обострение обстановки как сами, так и через провокатуру. Можно даже говорить о проведении стратегии нестабильности, наподобие той, которую проводили в 70-е годы на Апеннингах итальянские спецслужбы. Нестабильность политической ситуации дает повод для «наведения порядка» силовым путем.

Следует сказать, что даже в случае успеха переворота, позитивных сдвигов его «авторам» он не дает. В худшем случае он приведет к гражданской войне и кровавой бойне. В любом случае переворот довершит развал экономики и ввергнет страну в хаос. Отношения с Западом вновь обострятся до предела — режим будет брызгать военными мускулами и может привести мир к ядерному Апокалипсису. Гонка вооружений дойдет до сумасшествия. Добиться тотальной идеологической верности новый режим уже не сможет никакими репрессиями — эрозия тоталитарного сознания, его разрушение — процесс необратимый. Режим неизбежно придет либо к своему краху спустя несколько лет, либо приведет мир к гибели.

Можно ли избежать катастрофы? На мой взгляд, это пока еще возможно.

Вселяет надежду растущее народное движение, показавшее свою мощь забастовками июля 1989 года. Существует и политическое движение демократических слоев общества — так называемое «неформальное» движение.

Что же касается партии, то ее единственное спасение лишь в полном сломе окостеневшей структуры снизу. Теоретически возможно объединение демократических сил партии и общества вокруг ряда лидеров демократической фракции народных депутатов. В противном случае этот монолит партийно-бюрократической машины задушит все. Ни о какой монополии КПСС на власть не может быть и речи — это смерть всех перемени.

Постановкой наших спецслужб под парламентский контроль мы не решим проблем — нужна кардинальная перестройка этих органов. Необходимо принятие законодательных актов, запре-

щающих спецслужбам вести работу внутри страны против собственных граждан. Наилучшим вариантом было бы создание разделенных гражданских органов разведки и контрразведки, подчиненных Совету Министров под контролем парламентского комитета. Опыт показывает, что в демократическом государстве разведка и контрразведка должны и могут быть отделены друг от друга и носить не милитаризованный, а гражданский характер. Примеров более, чем достаточно: АНБ, ЦРУ, ФБР в США, МИ-5 и МИ-6 в Великобритании, БНД, МАД и Ведомство по охране конституции в ФРГ, итальянские спецслужбы...

В целом же, самой надежной преградой перевороту может служить только хорошо организованное и широкое демократическое движение, независимое от ныне существующих партийных структур.

Главпур: особое мнение о гласности

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ,
в Советской Армии с 1986 по 1988 год,
«Отличник Советской Армии», за время
службы награжден знаком ЦК ВЛКСМ
«За отличие в труде», в настоящее время
— студент, г. Москва

В шестом номере журнала «Известия ЦК КПСС» этого года опубликовано Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил» от 9 апреля 1989 года. Смысл его в конечном итоге сводится к необходимости принятия мер, «которые позволили бы поднять уровень публикаций по вопросам защиты социа-

листического Отечества».

Критические же замечания в адрес «ряда печатных органов («Огонек», «Московский комсомолец», «Век XX и мир»), чьи публикации привели к выводу о необходимости ... принять необходимые меры», вызывают изумление и некоторую тревогу.

Я в армии служил и надеюсь, что начальник Главного политического уп-

равления Вооруженных Сил товарищ Лизичев не упрекнет меня в том, что говорю с чьих-то слов и не знаю действительного положения дел. Поэтому не могу принять на свой счет тезис, что «военная тема в ряде газет и журналов отдана на откуп людям недостаточно зрелым и плохо знающим военное дело» (а именно это оказывается для авторов Постановления своеобразной отрицательной точкой для последующих отрицательных оценок и выводов).

В формально-казенном тексте записки Государственно-правового и Идеологического отделов ЦК КПСС и ГлавПУРа слышатся еле сдерживаемые раздражение и нетерпимость в адрес тех, кто имеет сегодня мнение о жизни армии, о перестройке в ней, о еще не решенных проблемах. Мнение это сильно отличается от мнения армейских политработников, и главное, с чем последние согласиться никак не хотят, это мнение основано на личном армейском опыте. Не знаю, как можно говорить сегодня о «положительном отклике в армейских аудиториях» на публикации о «мужественных действиях советских воинов в Республике Афганистан», когда сами «афганцы» требуют дать, наконец, точную политическую оценку войне? Когда многие народные депутаты внесли в свои программы пункты, где обещали добиваться названия конкретных лиц, отдавших приказ о вводе войск? Так говорить — значит иметь какое-то свое, особое представление и о перестройке, и о гласности.

«Настоящую правду о службе в армии, о существующих в ней порядках знает по существу каждая советская семья», — сообщает Постановление, и по мнению его авторов, знание их «настоящей правды» в силах опрокинуть «поверхностные, предвзятые, некомпетентные публикации, подрывающие авторитет Вооруженных Сил». Увы, та правда, которую знают в советских семьях, и та, которую требуют освещать в центральной печати после «принятия необходимых мер», не совпадают. Поэтому и попал в разряд печатных органов, «несущих недостоверную информацию» о жизни армии, например, «Московский комсомолец», чьи

публикации на эту тему состоят, в основном, из писем военнослужащих. Как не хочется кому-то расставаться с возможностью закрепощения правды, подчас трагической, в секретных приказах, недоступных постороннему читателю. Хотя и здесь доходит до смешного: два года от нас требовали бороться за неуносительное выполнение требований Постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1985 года и укреплять уставной порядок и воинскую дисциплину, и мы к каждому празднику докладывали о новых успехах при том, что даже «одним глазком» никто из нас этого Постановления не видел.

Сейчас уже трудно утверждать, что академик Сахаров — враг народа, потому что «пьяница и всю жизнь пил, когда жил ... в Красноярске» как разъяснили нам на одном из занятий по политической подготовке. Зато как легко утверждать, что авторы критических публикаций не знают о «неразрывной связи армии с народом», потому, что «по каким-либо причинам не служили в ней». И можно, в ходе принятия необходимых мер, поменять ведущего рубрики «Присяга» в том же «Московском комсомольце» или, например, сотрудников бюллетеня «Век XX и мир» на квалифицированных военных журналистов. После этого, конечно, станет проще «обсуждать ход перестройки в Вооруженных Силах в свете требований XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партконференции», «подняв уровень публикаций по вопросам защиты социалистического Отечества». Как говаривал Хлестаков, «легкость в мыслях необыкновенная...» Новая эпоха разговоров в центральной печати об отдельных недостатках и новых же передач «Служу Советскому Союзу!», где солдаты с нескрываемой радостью преодолевают все тяготы и лишения службы...

Только возникает резонный вопрос: когда же начинаются (начались, закончились — нужное подчеркнуть) перестройка, демократизация и гласность и какое событие — апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС или Постановление Секретариата ЦК КПСС от 29 апреля с. г. знаменует конец времени застоя, этого сна разума, который, как вы помните, рождает чудовищ?..

Секретные граждане

Давид МИХАЛЕВ,
кандидат технических наук, г. Москва

В СССР идет пятый год перестройки. Многие изменилось в нашей стране, но многое осталось по-прежнему. Не касаясь всего спектра проблем с правами человека, рассмотрим только одну из них — реализацию права каждого человека покидать и возвращаться в свою собственную страну.

Одной из наиболее распространенных форм отказа в выезде из СССР является ссылка на так называемую секретность. Носителями секретных сведений объявляются люди, имевшие доступ к закрытым материалам или работам в далеком прошлом. Такая практика существует только в СССР. Во всех развитых странах существуют ограничения только на публикацию тех или иных секретных документов, что никоим образом не уязвляется с ограничением права человека самому распоряжаться своей судьбой. И здесь возникает вопрос, действительно ли существует необходимость в удержании людей, некогда имевших доступ к секретам?

Чтобы ответить на этот вопрос рассмотрим, что представляет собой понятие «секретная информация» в науке, технике и промышленном производстве. Очевидно, что такая информация должна удовлетворять двум основным требованиям: 1) содержать данные о последних неизвестных достижениях в тех областях знаний, которые затрагивают государственные интересы (например, новейшие технологии, вопросы обороны страны и т. д.) и 2) эти данные должны быть **абсолютно достоверны**. Например, утверждение «самолеты МИГ—№№ оборудованы бортовой ЭВМ» содержит секретные сведения, если 1) факт наличия бортовой ЭВМ на самолетах данного типа не является общеизвестным и 2) когда этот факт **абсолютно достоверен**. Если последней уверенности нет, то одно это уже превращает приведенное утверждение из

сообщения, несущего в себе секретную информацию, в обычные бытовые разговоры, поскольку возможность существования бортовых ЭВМ общеизвестна, а вероятность их наличия на борту МИГ—№№ не исключена. Иными словами, первоначально содержащаяся в приведенном утверждении секретная информация (при выполнении условий 1 и 2) перестает быть секретной при нарушении условия 2, даже при соблюдении условия 1. В этом случае утверждение равносильно следующему: «На самолетах МИГ—№№ может содержаться бортовая ЭВМ», что не является секретным ни в каком случае. Таким образом, необходимым условием того, чтобы сообщение **содержало секретную информацию** является его абсолютная достоверность.

Теперь рассмотрим человека, который какое-то время назад занимался секретными разработками, посещал секретные объекты или работал на закрытом производстве. В свое время он мог быть знаком с достижениями по закрытой тематике, знать количественные выпуски и номенклатуру изделий, выпускаемых на закрытом предприятии или имел определенную информацию о закрытых объектах. В то время он несомненно владел секретными сведениями. Является ли он их носителем через какой-то период времени?

По прошествии нескольких лет он не может знать, в каком направлении пошло развитие старых идей, каков за это время достигнут реальный прогресс в конкретной области и достигнут ли он вообще. Отсюда следует, что спустя несколько лет после работы по закрытой тематике, человек уже не может рассматриваться как носитель секретных сведений, поскольку не выполняется необходимое условия для их секретности (помимо их технической сути) — их достоверность. Иными сло-

вами, секретным является не сохранявшаяся актуальность старых исследований или старые производственные мощности, а **достоверный факт**, что несмотря на «давность» эта актуальность еще имеет место. Но человек, уже несколько лет не работающий в данной области, этого знать не может, поэтому привязка режимных ограничений к сохраняющейся актуальности тематике является искусственной и надуманной.

Чиновник автоматически свои сведения о состоянии дел, которыми он владеет **достоверно**, распространяет на человека, который этого **достоверно** знать не может. Если некто когда-то мог иметь доступ к секретам, то ему «объективно вменяется» фактическое владение ими. Если кто-то когда-то действительно имел доступ к секретам, то «объективно» он знает их всю жизнь. Для чиновника нет разницы между его **достоверными** знаниями о судьбах старых секретов и **возможными** знаниями некогда знакомого с секретами человека. Он делает вид, что не понимает, что секретом может быть только достоверный факт, а не догадка, не предположение, что нечто может иметь место. Из сказанного следует, что всякие ссылки на участие в закрытых отчетах 5—10-летней давности не что иное как предлог прикрыть произвол якобы возможной утечки секретной информации.

А сколько лет должно пройти для этого? Ответ понятен: ровно столько, чтобы человек потерял ориентацию в области прежних знаний, то есть чтобы он перестал быть носителем **достоверной информации**. Потеря ориентации человека в области прежних знаний происходит по двум причинам: 1) за счет естественной неспособности человека хранить накопленные навыки (без постоянного их использования (известно, например, что человек, несколько лет не сидевший за рулем автомобиля, теряет способность управлять им; человек, несколько лет не работавший в области прежних знаний, деqualифицируется как специалист); 2) за счет научно-технического прогресса в данной области.

Одновременно происходит как бы два процесса: с одной стороны, деqualифи-

кация, а с другой — развитие прежней области знаний, которые имеют один и тот же градиент, направленный на потерю специалистом ориентации в области его прежних знаний. При современных темпах научно-технического прогресса потеря ориентации происходит через 3—5 лет. Для этого достаточно вспомнить некоторые факты развития науки и техники в области таких суперсекретов, как появление радиолокации и ядерного оружия.

Первая радиолокационная станция появилась в Великобритании в 1936 году, а США — в 1937-м, в СССР промышленный выпуск начал в 1938 году. Первые испытания атомной бомбы произведены в США в июне 1945 года, а в СССР — в августе 1949-го произведен первый экспериментальный взрыв. Водородная бомба была взорвана в США в 1952 году, а в СССР — в 1953-м. Перечень аналогичных примеров может быть продолжен, однако и их достаточно, чтобы стало совершенно ясно, что 5-летний срок для научно-технических секретов с лихвой перекрывает интервал времени, за который они становятся известными в развитых странах.

Советские официальные лица часто любят ссылаться на то, что, мол, и в западных странах якобы также имеются ограничения, связанные с секретностью. При этом молчаливо отождествляются сами секретные **документы** — с **людьми**, знающими их содержание, и то, что в западных странах распространяется на документ, в СССР распространяется на человека, — логика, основы которой заложил известный «правовед» Вышинский. В итоге получается то, что должно получиться: если в западных странах ограничиваются только сроки рассекречивания тех или иных секретных документов и несколько не ограничиваются свободы человека, знакомого с их содержанием (он может выехать из своей страны в другую страну без всякого на то разрешения властей), то в СССР ограничивается свобода человека, его право распоряжаться своей судьбой, его право на выезд из страны проживания после многих лет, прошедших с момен-

та увольнения с закрытого предприятия. И это выдается за защиту государственных интересов, якобы существующую в таком виде во всех промышленных развитых странах.

Как следует из всего сказанного выше, ни участие в закрытых отчетах 5—10-летней давности, ни посещение закрытых объектов и работа на оборонных предприятиях в далекой молодости не могут служить основанием для существования позорного института

долгосрочного отказа. Его наличие не имеет под собой правовой основы, не может быть оправдано и возможной утечкой секретной информации. Институт долгосрочного отказа — явление политическое. Юридическое его оправдание в правовом государстве нелегитимно. В государстве, где общечеловеческим ценностям дан высший приоритет, не допустима ситуация, когда дети вырастают, не увидев своих родителей, а родители умирают, не увидев своих детей.

Кто выигрывает?

Василий МУЧИЧКА,
учитель, п. Воловец
Закарпатской области

Необходимость нового мышления с трудом, но проникает в любой стране и в среду военных ведомств. Правда, военно-промышленный комплекс пока не заинтересован в демилитаризации мышления. В производство оружия массового уничтожения втянуты не только военные, но прямо или косвенно и огромная часть гражданского населения. Занятые в отраслях оборонной промышленности получают едва ли не самые высокие заработки. Но это порочный круг, так как результаты их труда потом способствуют дестабилизации обстановки в мире. Вспомним Ближний Восток с его перманентной угрозой интернационализации конфликта, с заложниками, снижением деловой активности в этом регионе. Словом, на чем выиграл военный сектор, проиграл гражданский.

Мне кажется, нужно постепенно демилитаризовать сознание общественности вообще. И начинать со школы. Военная индоктринация присутствует в различных формах в системе образования каждого общества. Великие державы могли бы начать сокращать, а впоследствии вообще исключить из школьных программ военную подготовку. Сегодня нужно этот курс перевести в разряд факультатива или кружка, то есть в них должны заниматься юноши

по желанию. Обучение девушек военному делу неприемлемо уже сейчас. Роль женщины — любить, растить детей, а не убивать.

В условиях нашей страны это был бы этап на пути к созданию профессиональной армии. Право на прохождение альтернативной военной службы в гражданских отраслях с несколько более длинным сроком должно быть гарантировано в законодательном порядке.

Военным специалистам хорошо известно, что в условиях современной войны (не дай бог ей разразиться), потребовались бы огромные контингенты для спасательных работ — больше, нежели для боевых действий. А если принять во внимание, что в мире возрастает опасность экологических катастроф, нужно сымала обучать, как себя вести и уметь оказывать помощь пострадавшим и себе. Эта проблема сегодняшнего дня. Чернобыльская катастрофа и стихийные бедствия последнего времени хорошо проиллюстрировали, как мы подготовлены к устранению их последствий. Без международной помощи нам бы пришлось туго. Огромный потенциал средств, который расходуется в военной сфере, нужно перепрофилировать на борьбу с экологическими и, увы, неизбежными стихийными бедствиями.

МИЛОСЕРДИЕ БЕЗ СЕРДЦА

Константин ФАТЕЕВ,
рабочий-монтажник,
г. Тула

Я обыватель. Среднестатистический обыватель, среднего возраста, из среднеобластного города середины России. Ранним утром в канун большого праздника я встаю в хвост огромной очереди. Очередь причудливо изворачивается вокруг киоска «Союзпечати» и упирается в бочку с молоком. Если не хватит, придется пытаться счастья у другой бочки или ловить завоз в гастроном. Молоко же нужно купить обязательно — не на чем варить кашу для малолетнего сына. А тут, как назло, завтра праздник, и молоко потребовалось сразу всем.

Очередь медленно, незаметно для глаза осуществляет свое движение, подобно движению самого времени. Впрочем, о времени лучше не думать — нужно отрешиться и плыть в очереди к заветному крану. Вот я уже и в середине, а вот и замаячил конец — передо мной остается человек пятнадцать. Оглядываюсь назад — хвост не сократился. Подходящие трамваи выстреливали из дверей новых молочных десантников.

Бочка плавно поворачивается вокруг своей оси, меняя угол, и мягко опрокидывается на подпорки: все! молоко кончается. Продавщица, равнодушно оглядев толпу, объявляет, что хватит еще человек на десять, не более: «Предупредите там, чтоб больше не занимали». Считаю стоящих впереди себя: я двенадцатый — авось хватит.

Откуда ни возьмись, вперед протискивается шустрый старикан. Он спешит к бочке сразу с пятилитровым бидоном и трехлитровой банкой. Дорогу ему пре-

граждает маленькая, кругленькая старушка:

— Постыдился бы! Старый человек, а без очереди.

Старик ни капли не смущен:

— А мне положено, я участник войны. Могу удостоверение показать.

— А мне, значит, не положено, — вспыхивает старушка, — нам не положено?! Тебя, бутая, на фронте кормили, а мы здесь впроголодь вкалывали за вас же, за мужиков, и нам не положено! Да ты посмотри на мои руки, бессовестный. — Она протягивает вперед свою широкую, неженскую, грубую ладонь. — Ему, значит, положено, а нам не положено?! Да кто ж это выдумал такое?!

Однако старика ее доводы не волнуют. Перехватив обе посуды в одну руку и пытаясь передать их продавщице через бабкину голову, другой рукой он невозмутимо отесняет старушку. Сперва — сполна — себе, потом — по справедливости — остальным.

— Я ветеран остылой. Мне положено по закону...

Очередь мрачно наблюдает унижительную сцену. Люди отводят глаза, не желая встречаться взглядами ни со старухой, ни со стариком. Бабка, предчувствуя свое неминуемое поражение в неравной схватке с бывшим фронтовиком, обреченно озирает очередь, ища в ком-либо сочувствия. Взгляд ее останавливается на мне. Я не отвел своего, а равнодушно уставился в ее светлые глаза, отметив про себя ее округлое, незлое лицо, сеточку мелких мор-

щенок вокруг глаз и рта. Простое лицо русской бабушки, которой бы с внуками нянчиться, а не в очереди толкаться. «Не дожидься ты, бабуся, поддержи ни от кого, в том числе и от меня,— ду- мал я.—Пререкайся бесполезно, а драться с этим старым хрычом я не полезу».

Хватит мне молока или хватит? Если не хватит, где ж тогда брать? — вер- тится в голове неотвязная мысль. Старик — старуха — их спор меня боль- ше не интересовал: я нервно озирался, опасаясь подхода новых ветеранов — кому там еще положено?! В моей душе откуда-то с самого дна поднимается бес- полезная волна глухой злобы к этому старику, к старухе, к равнодушной про- давище, ко всей этой дурацкой очереди. Голова становится горячей. Ни о каком милосердии, сострадании и уважении к старости не может быть и речи. Вы- швырнуть бы того старикашку из оче- реди! Наверняка посочувствуют и тут же осудят. Сволочные порядки. Со зло- бой думаю: попадись ты мне в трамвае— ни за что места не уступлю! Старый на- глец, не желает, как все, в очереди сто- ять — за молоком, за колбасой, за греч- кой, за холодильниками и телевизорами, за мебелью и женскими сапогами, за квартирой.

Нахальный дед одержал, наконец, «законную» победу над растерявшейся старушкой. Та отступила, что-то оби- женно бормоча про льготы, которые не распространяются на молоко. Весь ее вид выражает обиду на людей и на про- исходящее. А старикан, получив свое молоко, медленно побрел, припадая на одну ногу. Воинственный вид его улету- чился. Теперь его горбленая, старчески бессильная фигура вызывает жалость и сострадание. Однако мутная злоба в ду- ше моей сохранилась.

Почему мне так ненавистен этот ста- рик? Да и к старушке я не испытываю никакой симпатии. И кто виноват в том, что мы, их дети, здоровье, работоспособ- ные, работающие, не обеспечили их ста- рость нормальным человеческим жильем, хорошим питанием, квалифицированным и внимательным медицинским обслужи- ванием? Кто виноват в том, что мы сами вынуждены обращаться к ним за помо- щью при добывании какого-либо дефи- цита?

Почему, как докатились мы до такого? Когда мы растеряли наши сердечность и доброжелательность? А может, у нас их и не было?

Темная, зажатая в себе злоба посто- янно точит душу, отравляет жизнь. Кто додумался делить нас, граждан одной страны, отцов и сыновей, братьев и се- стер, на категории достойных и недо- стойных, на тех, кому положено, и тех, кому не положено? И поток этой дележ- ки не прекращается. На смену участни- кам ВОВ приходят ветераны труда, во- ини-интернационалисты, персональные пенсионеры. А не является ли такая де- лежка лицемерной крышей для всякого рода спецраспределителей и спецслужб, лазейкой для чиновников-проходимцев и бессовестных торгашей, распределяющих дефицит? Принцип разделий и власт- вуй — в действии.

1986 год. Май. Большая беда — Чер- нобыль. Что там? Как там люди? Како- вы последствия? Кто, наконец, виноват? Информация выдается по крохам, добы- вается из различных источников. Газеты, журналы передаются из рук в руки. Из Сочи, из санатория досрочно возвраща- ется знакомый. Ругается почему зря: «Вы- кинули как собак, не предупредив, не объяснив толком, не обеспечив билета- ми. На вокзале столпотворение, у касс драки...» У него, в общем-то доброго ма- лого, ни на грош сострадания к потер- певшим эвакуированным. Он их не ви- дел, ему о них ничего не рассказали. Их именем его грубо выбросили из санато- рия, куда он только что приехал отды- хать.

Ему не доверили проявить милосер- дие. Заботу о пострадавших взяло на себя начальство. Так проще, потому что проявление индивидуального сост- радания предполагает опасную информи- рованность.

Шли дни, недели, месяцы. Постепен- но информационная машина набирала обороты. Впервые за долгие, долгие го- ды наша пресса стала доносить до нас, рядовых граждан Союза, чуть более полные сведения. Телевидение демон- стрировало аварийный блок, интервьюиро- вались члены госкомиссии. Причины ка- тастрофы и виновники ее стали наме- чаться, но... все равно в увеличивавшем- ся потоке информации ощущался явный

недостаток. Чего-то главного в ней не хватало.

Это уже потом нам покажут деревенку в Полесье, в зоне заражения, которую не бросали старики: остались умирать. Вид этих забытых всеми стариков, не пожелавших уйти от родных очагов и погостов, сожмет сердце в кулачок, подопрет горло колючим комом, выжмет бессильную слезу. И придет озарение: главного-то мы и не видели. Пожар, героических пожарных, вертолетчиков, правительственную комиссию показывали — это все было. А человека, простого, напуганного обывателя, вынужденного покинуть свое жилище, того человека, которому я «обязан» сострадать и которому меня призывают сострадать — не было.

Зато появились беженцы. Им предоставляли жилье, квартиры в новых домах. Поделиться с обездоленным-то нормально, это нравственно. И люди избегали разговоров на эту тему. Лишь изредка то у того, то у другого прорывалась фраза, — вот, мол, собирался к осени переехать на новую квартиру, да теперь снова жди... Беда всеобщая! А у меня опять какое-то недопонимание происходящего. Ведь одно дело поделиться с обездоленным своим кровным, приютить семью на время в собственном доме, и совсем другое — лишиться той самой квартиры, которую ждал полжизни, — чужим решением. Вот и выходит, что, лишая меня реальных благ, доступа к милосердию никакого не дают. Моим милосердием от моего имени распорядился чиновник, который сам всеми благами обеспечен и делиться ими ни с кем не собирается. (Видели вы начальника, отдавшего свою квартиру семье беженца?!)

Мы обезличены в своем милосердии. Над нами царит и правит черствое директивное милосердие, милосердие без души и без жалости. И мое гражданское самосознание прямо пропорционально моей информированности.

В сбербанке, как теперь повелось, открыт счет для добровольных пожертвований на ликвидацию последствий. Каждый доблестный гражданин имеет право внести свой посильный вклад в благородное дело. По всей стране подхвачен порыв: отработать

выходной день — субботу в пользу... Я тоже за. Мы все за! Только работать в субботу мне не хочется, и другим работать тоже не хочется. Поэтому родное предприятие (в лице администрации) проявляет заботу о моей совести: не теряя понапрасну моего времени, оно перечисляет кругленькую сумму наших однодневных заработков на счет №... — и акт милосердия свершается.

Так бывает всегда! Я никогда не знал вперед: сколько мне заплатит начальник. Тем более не интересуюсь, сколько он возьмет из моего кармана на «милосердие». Я «милосерден» не сердцем — толпой. С меня взяли налог на сострадание, мою совесть оштрафовали.

Не доверяете моему милосердию? Правильно не доверяете! Вы не доверяете мне, потому что я не доверяю вам.

Я не догадываюсь — я знаю, что работа в выходной день безнравственна, поскольку это обычная сверхурочная работа, и значит, большой бедой прикрывается безграничная, преступная безхозяйственность и неразбериха.

До меня, до рядового советского обывателя, доходят не то слухи, не то сплетни о хищениях и разбазариваниях всенародной и интернациональной помощи пострадавшим от землетрясения в Армении. Вспоминают и Ташкент... Сплетни и слухи — это безнравственно. Однако и в то, что в Армении никто не греет руки на общенародной и интернациональной помощи, поверить никак нельзя. Официальные заверения в том, что подобные факты носят «единичный, частный характер», вызывают у обывателя скептическую улыбку. Слишком хорошо вышколила нас наша отработанная десятилетиями система дезинформации и распределения, в которой, чтобы что-то получить, надо давать, много давать, уметь давать, знать, кому давать. Ведь не случайно через год-полтора после Чернобыля обнаружили семьи, не получившие ни жилья, ни мизерной компенсации.

Впервые столкнувшись в молодости с бюрократией, почувствовав ее мощь пока только наощупь, я растерялся, испугался и поспешил обвинить своих родителей, их поколение в слабости и

бесхребетности. Тогда я не отдавал себе отчета в том, что Великая Отечественная война потребовала от них напряжения всех жизненных сил. Что эта война для многих из них, в том числе и для моего отца, так и не кончилась. Она сидит в их душах занозой горьких воспоминаний — и гордостью победы. Не оставила им эта Большая война духовных сил для сопротивления другой Большой войне, которая велась не одно десятилетие против них и, зачастую, их же руками. Чтобы выиграть Отечественную, нужно было отбросить все сомнения, задушить их в себе. Сознательно или инстинктивно, они пошли на эту жертву, чтобы выжить и победить. А я немилосердно предъявлял счет их поколению за измороженный социализм, сам еще толком не разобравшись, что к чему. Мы с налету беремся судить старшие поколения, не зная и сотой доли той жизни, какую прожили они. Мы судим их за то, что обнаружили мир не таким, каким нам хотелось бы его видеть, каким мы его себе представляли. Оказывается, мы — потерянные люди: неучи, лодыри, неумехи... Вычеркнуть нас из истории — и дело с концом.

Однако история не знает потерянных поколений. Да, мы вступили в жизнь неподготовленными, необученными, обманутыми. Наши неподготовленность и необученность были заранее организованы и спланированы теми, кто победил в Большой войне против старших поколений, против моих предков. Мы потерпели поражение, сломались, приспособились. Сыновья воинов-победителей, молодые романтики шестидесятых превратились в разочарованных циников. Вот немилосердный счет к брежневщине-сталинщине. И счет этот продолжает расти от поколения к поколению.

Мальчишкой любил я лазать по старым развалинам. Во всех окрестных селах были «развалины» церквей. Стоят эти «развалины» и поныне. Стоят, как памятники моим предкам. Помню вопросы, адресованные взрослым: зачем церковь-то разрушили, колокольню? Ну попы плохие — их выгнали, а за-

чем же стены-то порушили?

Помню уклончивые ответы, очень осторожные, и боязливые: вырастешь — поймешь... Теперь-то я понимаю, что трагедия моего, да и более старших поколений, а следовательно — всех последующих началась с этих вопросов и этих ответов. Слишком многие из моего поколения уже никогда не обретут понимания. Это — трагедия будущих.

Собор в Тульском кремле не разрушен. Он реставрирован и превращен — в музей оружия! Стены и купол расписаны сценками охоты. Могли ли предположить древние зодчие, строители, каменщики, художники, что в храме, возведенном их руками во славу Господа Бога, их потомки устроят алтарь убийства? А простые оружейники, туляки, на чьи средства возводился собор? Можно не верить ни в Христа, ни в Аллаха, ни в Будду, ни в Иегову. Но кто же дал нам право глумиться над верой наших предков, кто дал нам право похабить и творение их рук?

Счет взаимных претензий продолжает расти от поколения к поколению. Он уже становится неподъемным для нашего общества. Однажды молодые, проснувшись, захотят узнать свое происхождение, какого они роду-племени. И тогда не помогут наукообразные рассуждения об «изменившейся инфраструктуре». Так что камушки, которые так долго и иступленно разбрасывались, следует собирать уже сегодня. Собрать, объединившись всем миром, всеми живущими сейчас поколениями. Разрушать искусственные, надуманные деления на стариков и молодежь, на фронтовиков и тыловиков, на льготников и нельготников, на достойных и недостойных.

Надо искать объединяющие идеи — различий у нас и так больше чем достаточно. Одних национальностей не сосчитать. Кропотливо собирая потерянное, восстанавливая разрушенное, отвоевывая у бюрократии позицию за позицией, можно расчистить поле, на котором произрастет милосердие. Это утверждаю я, простой советский обыватель.

ПРИОРИТЕТЫ

Заявление членов правления фонда «Культурная инициатива»

Сегодня уже не является ни тайной, ни запретной темой существование в нашей стране больших групп населения, которые нуждаются в социальной защите и которым государство оказалось не в состоянии обеспечить условия достойного человеческого существования. Ветераны Отечественной войны, афганцы, инвалиды, жертвы сталинских репрессий, многодетные женщины, престарелые, дети-сироты, хронические больные — их жизненные обстоятельства вызывают о милосердии и благотворительности. Поэтому создание в нашей стране все новых и новых благотворительных фондов стало неизбежной реакцией общественного мнения страны на эту открывшуюся истину.

Но есть еще одна часть населения, остро нуждающаяся в защите, поддержке и благотворительной помощи. Она включает мужчин и женщин, людей всех возрастов, представителей всех социальных групп, вероисповеданий и национальностей. Это те, кто творит во всех сферах человеческой деятельности и затем выходит в мир, чтобы подарить свое творение людям, найти ему место в обществе.

Негативное отношение общества к творцам и их творчеству существовало во все времена, во всех социальных структурах. Это естественно и объяснимо. Всякое творчество предполагает изменение привычных представлений, нарушает стабильность социального организма, требует переделки, перетряски, угрожает изменением устоявшихся

структур. И люди опасаются: хорошо ли, плохо ли устроено их настоящее бытие, оно есть, понятно, и к нему привыкли, притерпелись, новое же — неведомо, и обещания лучшего столько раз не сбывались. Однако административно-бюрократическая система, особенно преуспевающая в уничтожении всего, что покусается на ее привычный уклад, хотя и весьма эффективно обеспечивает свою устойчивость, но тем самым обрекает себя на застой, отсекает собственное будущее.

Ныне, когда страна стоит на пороге революционных перемен, когда в обществе углубляется сознание того, что нам необходима перестройка, пора вспомнить о том, что именно творчество всегда было, есть и будет единственной подлинно революционной силой истории. Человек, класс, народ становятся революционными или реакционными в зависимости от того, одухотворены ли они творчеством или одержимы охранительным инстинктом. Пришло время вспомнить, что основателям нашего общества оно виделось именно как живое творчество масс. И не случайно именно эту формулу нам напомнили те, кто выступил инициатором перестройки.

Культура, понимаемая не в узковедомственном, а в общечеловеческом смысле, — это живой процесс осуществления, освещения деятельности человека в материале природы. Она охватывает как деятельность живущих ныне людей, так и наследие, в котором запечатлен труд всех предшествующих поколений. Однако

сама человеческая деятельность, образующая ткань культуры, может быть как рутинной, так и инициативной, ломающей канон. Культурная инициатива есть акт творчества, расширяющий границы культуры. И поэтому понятие «культурная инициатива» воплощает для нас то, в чем так нуждается наше общество сегодня, и что само по себе так нуждается в защите и поддержке.

Цель фонда «Культурная инициатива» — развивать и укреплять потенциал творчества в советском обществе. Мы будем осуществлять это путем поощрения творческих инициатив, поддержки их финансовыми и материально-техническими средствами. В то же время мы считаем важным способствовать процессу гуманизации нашего общества, тому, чтобы оно становилось более терпимым, открытым и восприимчивым к инициативам и нововведениям.

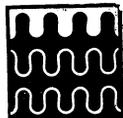
Конечно, благотворительная деятельность в обычном понимании далеко не безразлична фонду. Располагая ограниченными средствами, мы не можем принять заметное участие в латании прорех государственной социальной политики. Но фонд будет поощрять творческие инициативы и усилия, направленные на решение этой проблемы. Так, мы уже поддержали новаторские совместные предприятия, одно из которых ставит своей целью производство техники, делающей жизнь инвалидов социально более полноценной, а другое — создание инфраструктуры рабочих мест на дому, что позволит многим пенсионерам и инвалидам стать полноправными участниками общественного производства и своим трудом зарабатывать на достойное существование.

Конечно, фонду также далеко не безразличны социальные приоритеты, те изменения в обществе, которые повлечет за собой реализация конкретных творческих инициа-

тив. Мы выделяем для себя вполне определенные приоритетные сферы единого мира культуры, нуждающейся в неотложном лечении или совершенствовании. Это общественное знание, правовая культура, образование, воспитание и развитие личности, экология человека и экология природы, музейное, архивное и библиотечное дело, литература и искусство, экономическая культура, организационно-управленческая культура, культурные связи с соотечественниками за рубежом. И проекты, направленные на их развитие, получают первоочередную финансовую поддержку.

Минувшие полтора года, в течение которых работало Правление в его нынешнем составе, показали наличие и вызревание в обществе социально активных сил, движений и организаций, несущих значительный потенциал самостоятельности, творчества и гражданской ответственности. Многие из них прямо или косвенно способствуют развитию указанных сфер культуры. И здесь мы не только не претендуем на монополию, но и всячески приветствуем этот естественный процесс. Однако, не умаляя важности традиционной социально-политической и благотворительной деятельности, мы хотели бы, чтобы итогом нашей работы стало нечто другое. Может быть, таким итогом станет создание прецедента общественной организации нового типа, прецедента, который откроет путь десяткам и сотням различных начинаний, поддерживающих и развивающих творческий потенциал человека и общества, этот главный потенциал перестройки, залог будущего. Надеемся, что наши усилия с пониманием будут встречены в стране и за ее рубежами.

**Ю. АФАНАСЬЕВ, Г. БАКЛАНОВ,
Т. БУАЧИДЗЕ, Д. ГРАНИН,
Т. ЗАСЛАВСКАЯ, В. РАСПУТИН,
Б. РАУШЕНБАХ.**

Воскресающая Россия

Николай ШУЛЬГИН

Полемические заметки

Разные кризисы сотрясают социализм в нашей стране: экономический, политический, духовный... Особенно загадочен семантический — вдруг оказалось, что за словом «социализм» скрывается Бог знает что. А может, и вообще ничего не скрывается.

В основе отношения к чему-то иногда лежит простой подсознательный силогизм. Применительно к социализму их два, альтернативных.

1. Социализм — это хорошо. А у нас — плохо. Значит, у нас не социализм.

2. У нас — социализм. Но у нас — плохо. Значит, социализм — это плохо.

Они не только широко распространены в массовом сознании. В скрытом виде они инициируют и теоретическую дискуссию о социализме.

Есть импульс: «Пусть и у нас будет так же, как на Западе». Но есть и стена: «Да ведь там же — капитализм». И бьется импульс об эту стену. Не надо биться. Конфликт основан на глобально насаждаемом недоумении.

Капитализма на Западе давно уже нет. Но нет там и социализма — в классическом смысле этого слова. Там создан, «минуя коммунизм», посткоммунистический строй. Его сущность я бы выразил понятием «приватизм».

Энергия любого понятия восходит к скрытой за ним идее того или иного блага. Энергия «социализма» связана с идеей социальной защищенности и отсутствия эксплуатации. (Плановость считалась средством к этому, а не самоцелью). Энергия «капитализма» —

с идеей личной свободы и независимости, на основе частной собственности и предпринимательской активности.

В XIX веке исходные стимулирующие идеи «социализма» и «капитализма» могли казаться несовместимыми. Но их синтез произошел в **приватизме**, ныне, как особый строй, реально существующий в США, Западной Европе, Японии. В этом обществе частная собственность дополняется социальной защищенностью личности, а эксплуатация элиминируется методом «эксплуатация эксплуататоров». То, что предприниматель (индивид или группа) присваивает (от рабочих) в виде прибыли, то государство присваивает (от предпринимателя) в виде налога. Все оставшееся у предпринимателя — это справедливая, определяемая свободным контрактом, оплата его предпринимательской активности.

Ужасы капитализма, описанные Марксом в «Капитале», были следствием низкого уровня производительных сил, а вовсе не частной собственности, как таковой. Именно частная собственность и свобода частного предпринимательства при оптимальной роли государства в экономике — основа высоко развитой социальной защищенности.

Капитализм — это свобода частной собственности и отсутствие социальной защищенности. Он создает две возможности своего преодоления: социализм, уничтожающий частную собственность, и приватизм, вводящий социальную защищенность. Социализм — более высокая ступень развития, чем капитализм, ибо несравненно выше социаль-

ная защищенность. Ее основа в СССР — партократический патернализм. В нашей стране, если брать ее в целом, социализм существовал примерно с середины 50-х по середину 80-х годов. (До этого, в форме тоталитаризма осуществлялся переход от полутрадиционного общества к индустриальному).

Социализм ликвидирует частную собственность и чисто рыночное производство, до абсолютного упразднения рынка на практике не доходя. На определенном этапе развития производительных сил такая ликвидация возможна, хотя и не необходима. Этим воспользовались большевики в России. Но на следующем этапе рост производительных сил требует снова вернуть рынок и частную собственность, перейти к приватизму. И вот этот-то новый шаг вперед — от социализма к приватизму — может показаться возвращением назад. А все дело в том, что к приватизму можно перейти и от капитализма без прохождения стадии социализма. Именно это и проделал Запад. Он, в результате мирной эволюции, перешел к приватизму с его посткоммунистическим изобилием и свободой, минуя социализм и «коммунизм». («Коммунизм» — это социализм, доведенный до абсурда). Но из-за структурного подобия капитализма и приватизма мы их ошибочно отождествляем.

Как только мы перестанем отождествлять капитализм и приватизм, то все станет на свои места: **социализм хорош по сравнению с капитализмом, но плох по сравнению с приватизмом. Значит, хоть у нас и социализм, но необходим переход к приватизму.**

К середине 80-х годов социализм в СССР исчерпал свои возможности и стал естественно распадаться. Максимальные же его успехи показали ГДР и Чехословакия. Не очень масштабная, обозримая из единого центра экономика и определенный уровень культуры работающих — вот те границы, в которых социализм вполне рационален. Его развал в СССР показывает не столько ошибку в исходном проекте Маркса, сколько нахождение за пределами этих границ. Ошибка лишь в том, что социалистический проект Маркса считался как бы «безразмерным», при-

годным для индустриального общества любых масштабов экономики.

Период социалистического плюрализма у нас был примерно с 1987 по 1989 год. В развитии социализма это необходимая позитивная ступень. Но его время истекло. Теперь «социализм» — пароль мечтателей, лентяев и бюрократов. Теперь его **официальная пропаганда** просто вредна, ибо дезориентирует народ. **Понятие «социализма» в СССР подсознательно ассоциируется с «работой без особых усилий». Поэтому интенсивная пропаганда «социализма», его «обновления», «социалистического будущего» и т. п. подсознательно ориентирует на плохую, по западным меркам, работу.** Эта пропаганда игнорирует законы массовой психологии. Проповедь социализма может себе позволять сытый Запад. Но наше общество слишком бедно, чтобы продолжать развращать себя социалистической пропагандой. Доктрину социализма нужно отделить от государства. Она могла бы быть доктриной той или иной партии.

Наконец есть возможность понять, чем только и может быть реальная перестройка. Это, конечно, не «реставрация капитализма». Это и не обновление социализма, исчерпавшего свои возможности. Он — позади, а не впереди. У него уже нет творческого импульса. Он не способен больше вдохновлять. **В своей истине, перестройка — это переход от социализма к приватизму.** Каким же способом его осуществить?

Раздача фабрик и заводов рабочим, выборы ими всей администрации и т. п. — тупиковый путь. Большие коллективы не могут быть инициаторами радикального обновления средств производства, способов организации труда. Ведь такое обновление связано с переквалификацией, изменением навыков работы. Потенциально — даже с увольнением. И чем больше коллектив, тем меньше он склонен к радикальному технологическому прогрессу на своем предприятии. Поэтому различие между собственниками и работающими по найму совершенно необходимо при нынешнем уровне производительных сил. Это различие — гениальное изобрете-

ние» общества, своеобразный «социальный синхрофазатрон», в котором ускользается движение истории.

Исчерпавшее свои творческие возможности государство должно передавать средства производства акционерным обществам, малым коллективам и частным лицам. А раздав заводы рабочим, оно лишилось бы возможности снова забрать их — после того, как период временного подъема сменился бы неизбежным упадком. Лозунг «заводы рабочим» — либо глупость, либо демагогия.

Средства производства — тем, кто ими управляет. То есть предпринимателям, как «менеджерам над менеджерами». Вот где экономическая истина, вот где закон и пророки.

Слой частных предпринимателей, приемлемых обществу, создается долго. На это времени нет. Наши нынешние «частники», дай им волю, пропустят нас через мясорубку ужасов эпохи

первоначального накопления и «отмывания украденного».

Лучший выход — передать часть экономики в сферу собственности иностранных фирм. У них есть опыт современного социально полезного и приемлемого предпринимательства. У них период первоначального накопления давно позади. К тому же это быстро интегрирует нашу страну в мировую экономику.

Передача в собственность здесь предпочтительней аренды, ибо при неконвертируемом рубле это единственно массовый стимул. Условие конвертируемости — высокое качество и конкурентоспособность товаров. Получая собственность, зарубежные фирмы получают и стимул создать это условие как можно скорее. Ведь лишь тогда прибыль в рублях полноценна. Нет и риска, что за время перехода к конвертируемости срок аренды истечет. В отличие от инвестиций «на пустом ме-

Народные депутаты. Фото А. Ефимова и И. Устюжинова (Москва). Автор правого снимка — А. Конеченко (Киев).

сте», получение собственности снижает и риск затрат.

А национальные интересы? Такая передача им соответствует. И гораздо больше, чем слишком долгое выращивание своих социально приемлемых предпринимателей (за это время мы окончательно превратимся в страну третьего мира).

Меньше будет и социальная напряженность. При своем несомненном патриотизме «наши люди» легче уживутся с опытным зарубежным предпринимателем, чем с родным «кушцом-миродом». Оно и справедливо. Цивилизованность — источник доверия.

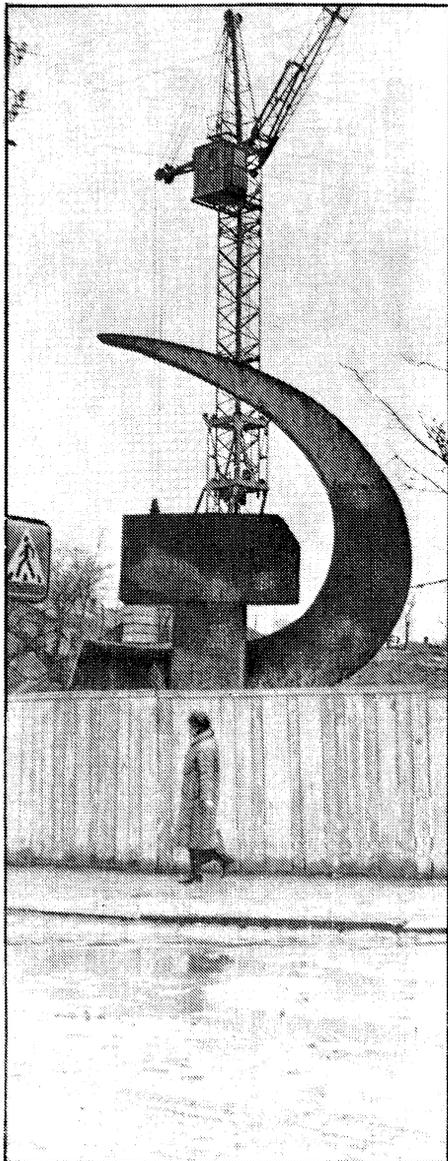
Дореволюционный промышленный подъем России был во многом основан на деятельности иностранных компаний. Хороший опыт не грех и повторить. Это гораздо выгоднее, чем проедаемые кредиты. А параллельно с этим появятся также и наши цивилизованные предприниматели. В условиях конкуренции им придется ориентироваться на самые современные методы. Конечно, передавать можно лишь те предприятия, коллективы которых не будут против.

Таким же способом в XVIII веке создавалась русская наука. Сначала академиками были «немцы». Потом, по заданным им критериям, выросли русские ученые. Не было бы «немцев» — не было бы Ломоносова. Да и «немцы» обрусели и начинали работать на «русскую идею». Даже поговорка была: «Нет больше русских патриотов, чем остзейские немцы».

Тем более, что эти предприниматели могли бы принадлежать к весьма сильному торгово-промышленному слою русского зарубежья. Почему бы не дать им возможности помочь родине предков?

Органический континуум русского духа превращает все инородное в родное. Такова его всепроникающая мощь. Здесь корень глубокого заблуждения тех, кто исповедует идею, что малый народ ведет большой народ к гибели. Нет, любой малый народ, **погруженный** в большой русский народ, просто не может не служить интересам России. Ее судьбе, которую она сама же предопределяет.

Люди, думающие иначе, исходят из слабости русского начала. Очевидно оно слишком слабо в них самих.

Турнир состоял из единственной партии. Народ эту партию проиграл — и теперь требует судить победителя. А победителя-то и нет: народ и партия едины.

Есть жизнь, а есть игра. Партия играла с народом в государственный социализм.

В условиях однопартийной системы неправовым государством является сама партия. То есть государством, реально не связанным никаким юридическим законом. Формально партия, конечно, может действовать в рамках юридических законов. Но их толкование и применение производится в ее пользу. Поскольку партия пронизывает все административные инстанции, то и государство, в собственном смысле этого слова, становится неправовым. Поэтому создание правового государства возможно лишь через ликвидацию однопартийной системы.

Какая же партия нужна нам сейчас? Наше общество сильно идеологизировано. Идеологические принципы играют в нем колоссальную роль. Сейчас оно переживает потребность в смене установки. Отсюда — неверие и скепсис.

Смутно ощущается необходимость отказа от установки на социализм. Но завершающее эту потребность Слово лидерами страны пока не произносится.

Народ пойдет за той силой, которая даст идею, одновременно захватывающую воображение и реальную. Конечно, эта идея не может ориентировать на какую-либо форму социализма. Он ныне омертвляет энергетику любой рациональной концепции. Главный недостаток Горбачева — то, что он лидер партии с социалистической программой и должен со всей своей энергией защищать Царство мертвых. Откажись он со своим аппаратом от установки на социализм, — цены бы ему, как политике, не было.

Сейчас партия — это сила без идей. Как таковая, она обречена. Ее кризис — не столько от отсутствия демократии, сколько от приверженности исчерпавшей себя идеи социализма. Как бы партия ни демократизировалась, как бы ни обновлялась, но социализм будет непрерывно тянуть ее на дно. И она утонет вместе с ним.

Единственный шанс выжить и остаться у власти — отказаться от приверженности социализму. Сменить название и программу. Признать свободу частной собственности. Ориентироваться на Запад. (Стольшин — чем не образец соединения Западной и Русской идеи?).

Революция снизу — удовольствие слишком дорогостоящее и сомнительное. От ее возможности мы тогда избавимся. И политический кризис удалось бы заблокировать без угрозы разрыва с живыми силами страны.

Все живое имеет свою меру. Вне этой меры оно умирает. Это относится также к идеологическому и политическому плюрализму.

В экономике свободная конкуренция ведет к монополии. Но монополия разрушается государством — через антимонопольные законы. Свободное государство — гарант сохранения свободы в экономике (насколько она рациональная и в интересах потребителей). Но что может быть гарантом сохранения свободного государства?

Конкуренция в политике благотворна, если она ведется в рамках демократического консенсуса, добровольного соблюдения правил игры. Если же какая-то реальная сила этих правил не придерживается, если народ своей поддержкой делает антидемократов реальной силой, то демократия коллапсирует. И от нее остается политическая черная дыра.

Кто же будет устанавливать консенсус, контролировать правила игры? Конечно, не государство. Нет никакой возможности помешать антидемократам выдвинуть формально лояльную, а по сути, направленную на ликвидацию демократии программу. И победить, в случае чрезмерных конфликтов среди демократов.

Увы, но кроме доброй воли и политического разума всех демократических сил, других контролирующих механизмов просто нет. Это как раз то, что составляет политическую культуру.

Но угрозу тоталитарной реставрации нельзя и преувеличивать. Говорят, что тоталитаризм — результат отсутствия опыта демократии. Еще правильнее сказать, что тоталитаризм — резуль-

тат отсутствия опыта тоталитаризма. Общество впадает в тоталитаризм, когда надеется с его помощью решить свои проблемы. Он не самоцель, а соблазнительное средство. Цели — в другом (индустриализация, внешняя экспансия...)

После достижения этих целей или после их пересмотра тоталитаризм неизбежно самораспадается. **Самораспад — защитный механизм общества против чрезмерного господства жестких связей.** Он не только не зависит от воли и сознания господствующих слоев, он и сам, в нужный момент, определяет их волю и сознание.

В условиях тоталитаризма национальные, экономические, политические связи носят во многом искусственный характер, ибо основаны на принуждении и страхе. У большинства людей на

них основана даже сама вера в режим. Но всегда сохраняется тайная готовность **отпасть**. Когда приходит время, воля к власти у правящих неожиданно ослабевает. Воля к сопротивлению у подчиненных неожиданно возрастает. Страх исчезает и искусственные связи заменяются на естественные. Распад — один из моментов этой замены.

При самораспаде происходит перекombинация социальных связей, создаются новые партии, новые институты власти. Это благо, а не зло. Это движение к новой целостности и новой стабильности.

В составе СССР или вне его, но Россия движется в свое будущее. Пламя и пепел — путь к воскресению Феникса. Что же мы видим теперь?

Воскресающую Россию.

«В гараже»

Говорят, что СССР на пути к государству правовому. Но тогда я не понимаю, почему столько разговоров вокруг Прибалтики. М. С. Горбачев сначала много говорил о самоопределении наций, а в его речи на сентябрьском Пленуме прозвучали неприкрытые угрозы в адрес Литвы, Латвии и Эстонии. Может быть, отменена статья в Конституции СССР о праве любой республики выйти из состава СССР? А может быть, и Конституция уже недействительна?

Я считаю, что как была Россия тюрьмой народов, такой она осталась и по сей день. Слышатся голоса об интеграции европейских стран, и эти голоса хотят ссылкой на Европу оправдать насильственный союз советских республик. Разве можно сравнивать интеграцию свободных, независимых стран и этот вековой палочный союз?!

Залогом цивилизации является только Демократия. Только свободные народы могут построить на Земле вечные Мир и Счастье. Сейчас каждая республика должна обрести полную самостоятельность. Народы должны стать свободными, а уж потом они сами решат, с кем

им по пути и по какому пути.

...Моя дочь принесла домой маленького, серенького котенка. Чтобы он не заблудился, мы, когда уходили из дома, закрывали его в гараже, где много места, еда, тепло. Однажды, когда я пришел домой первым, то услышал, как котенок скребется в дверь и жалобно мяукает. Я открыл гараж. Котенок выскочил наружу, но недалеко отбежал от двери, прыгнул вправо, влево, покрутился на месте, почесал за ухом, затем успокоился, сел и стал оглядываться, а потом пошел назад в гараж.

То же самое сейчас происходит и с нашим народом, который долгое время находился в неволе. Сегодня он освобождается от пут, но непривычна свобода, он подчас не знает, что делать с ней, и уже раздаются то тут, то там возгласы: «А вот при Сталине...». Людей тянет под сильную руку, и это самое страшное. Сейчас наступает переломный момент в истории нашей страны. И не дай Бог вернуться нам назад «в гараж»!

В. АБАНЬКИН,
бывший политзек,
г. Ростов-на-Дону.

спустя два года после его учреждения, когда прибыли по сути дела нет (в Америке вновь созданная фирма освобождается от налогов на 5 лет). Уставный фонд, к примеру, обчисляется по совсем уже произвольным показателям, что выглядит, мягко говоря, не очень серьезно.

Или вот, наглядный пример. В одном из районных Советов Москвы я обсуждал возможность строительства отеля. Мне там намеревались выделить гектар земли на следующих условиях: для начала я должен построить два 186-ти квартирных дома, 15% прибыли заплатить за бойкое место, миллион двести долларов — годовая арендная плата, 50% прибыли выделить на развитие района. Далее, я должен платить за пользование землей. Итого 6 миллионов долларов. В 10 миллионов долларов обойдется строительство отеля. То есть мне нужно сразу выложить 16 миллионов долларов, не считая рабочего капитала. Спустя два года платить 30-процентный налог на прибыль, налог с капитала примерно 20%. Тут вмешался представитель Внешэкономбанка и напомнил, что мне нужно еще заплатить по экспортной лицензии за вывоз капитала. И в довершении всего я узнаю, что аренду мне разрешают на 20 лет. «Ну, за 20 лет,— утешают меня — вы вернете ваши деньги». Мне становится смешно: «Спасибо большое! Оказывается, я вкладываю деньги, ради того, чтобы они ко мне вернулись!»

Когда я пытаюсь намекнуть, что 16 миллионов долларов на строительство одной гостиницы — это в два раза дороже, чем в Нью-Йорке, мне заявляют: «Мы, Исполком, так решили».

Мне кажется, Россия в период обновления должна рассчитывать только на свои силы.

— Но вы-то делаете инвестиции! Судя по договорам и протоколам о намерениях, которые вы подписали, вы собираетесь строить гостиницы и заводы, вести научные исследования, реконструировать Переделкино, предоставлять дефицитные у нас услуги иностранцам. Значит, вы имеете какие-то гарантии, что прибыль у вас будет?

— Конечно, нет. Это у вас есть литературный герой Остап Бендер, кото-

рый говорил: «Стопроцентную гарантию дает только страховая полис».

Для меня, капиталиста, гарантией могло бы быть гарантийное письмо Госбанка СССР, защищающее от национализации. Никто не требует гарантий бизнеса, но вложения должны быть гарантированы. Но кто же такую гарантию даст?

У меня была возможность внести довольно большую сумму в российскую экономику — от одного до пятидесяти миллиардов долларов под определенный проект. И мне показалось возможным в данном конкретном случае, учитывая не столько сумму, сколько толк от реализации проекта в нашей критической ситуации, заручиться прежде специальным постановлением Верховного Совета СССР, гарантирующим мои вложения от национализации. Но мне сказали: «Правительство ведет переговоры с правительством, государство — с государством. Частным кампаниям гарантий не даем. Гарантии для них — следствие соответствующих межправительственных соглашений».

Но правительство вообще гарантировать не может! Оно — власть исполнительная, а не законодательная. Что касается американских компаний, то главная особенность их деятельности в СССР — это отсутствие всяких гарантий, даже на уровне межправительственных соглашений.

— Значит, вы рискуете без всякой надежды на успех?

— Почему? Мы говорим в Америке, что надо использовать преимущества. Мое преимущество — знание русского языка и до какой-то степени понимание России. И мне показалось, что моя работа в области международной торговли именно в России имеет больше шансов на успех. Кроме того, я заинтересован в постоянных и прочных контактах с советскими учеными. Я — доктор медицины и биологии. Занимаюсь бизнесом, чтобы финансировать собственные научные исследования. Поиски лекарственных препаратов, способных победить рак и СПИД — это очень дорогое удовольствие.

— Но, может быть, еще что-то можно сделать, чтобы поддержать и кооперацию, и совместные предприятия?

...Сегодня вновь заводятся споры о дележе все того же одеяльца, и стороны участвуют в этих спорах с необычайной серьезностью: делить или не делить? И в какой пропорции, если да?.. Рядом с этими дискуссиями печатается малозамечаемая уголовная хроника: Москва, 1989, мать выкатывает коляску с младенцем за дверь, и лишь на минуту задерживается. Выходит, а коляска пустая; трурик тут же находят в мусоросборнике. Кто-то, спускаясь по лестнице, затолкал ее живое дитя в мусоропровод.

Кто?

Злобный сталинист? Растрленный попкультурой рокер? Нацист?

Образованный извращенец?

В Сумгаите свирепствовали заурядные люди, без выраженных идейно-политических характеристик. Вроде нас с вами.

* * *

Есть прекрасный тест Генриха Бёля: если вы никак не можете решить для себя, верите вы человеку такому-то или нет, задайтесь вопросом — рискнули бы вы вдруг оказаться в его полной власти?

Вопреки кажущейся примитивности, это жестокий, абсолютно безошибочный тест. Редкий политик или публицист и сегодня выдержит испытание на него, какие бы слова он ни произносил. Оттого мы и не глядим друг другу в глаза: это помешало бы нам беспрепятственно лгать.

* * *

Недавно журналист, посетивший окрестности Рио-де-Жанейро, в стране, примерно в одно время с нами вступившей в процесс демократизации, описал одно из блюд тамошней детской кухни: лепешки из газет, которые мамы пекут, чтобы несколько сбить голод. Свободную прессу размачивают в воде, дают кашнице набухнуть, после замешивают и пекут...

— Вот видишь, на худой конец и от гласности будет прок,— сообщил я знакомому политологу.

— Увы,— компетентно возразил он,— бумага в Латинской Америке часто делается из отжимок сахарного тростника, и она сладковата. Наша же, из еловой щепы да тряпья, совершенно несъедобна!

— Как,— и «Московские новости»?

— Эти особенно — они печатаются на финской бумаге с синтетическими добавками...

Сегодня, когда насилие, проклятое официально обществом и государством, вновь исподволь возвращается в нашу жизнь и становится чем-то обыкновенным для нас,— только теперь можно понять, какой мистифицирующей жизнью мы жили. Мы в упор глядим на насилие — и не замечаем его, прельщенные аргументацией насильников и кличками, приготовленными для живых мишеней. У нас нет полновесного языка для самой человеческой жизни, безотносительно к ее патриотической и национал-государственной пользе. Никто при этом прямо не призывает к убийствам — призывают лишь защищать «любой ценой» отвлеченные от живого, вот этого человека, ценности.

Мы не уничтожаем человека — мы просто о нем забываем, покидая его в обстоятельствах, грозящих для него смертью. И это делает не экстремист: так устроен, и так продолжает действовать одержимый мифами мозг.

Мы семьдесят лет отдали мифологическому сознанию и сегодня с трудом, недоверчиво поворачиваемся к реальности. Почти целый век у нас ушел на восстановление простейшего обоняния, чтобы мы поняли: труп врага пахнет так же, как пахнет труп друга. Труп классового противника пахнет не приятно и не весело — он пахнет трупом.

Лишь век спустя мы доходим до истины, что жестокость не бывает правильной, ярость не бывает справедливой, насилие не бывает чистым — и нет ничего грязней рук насильника, даже если этот насильник не боялся силится над ним самим.

Оказалось, что реакционерам так же больно, как революционерам, что сталинисты так же мерзнут, как либералы, и ферганские зверства омерзительны, как сумгайтские. Непомерно дорогой ценой мы заплатили за то, что от-

казывались признать палача — палачом, казненного — несчастным, идеологию — формой самодовольства. И сегодня мы еще раз платим за это: покинутые на полдороге старыми представлениями о мире, исключавшими значение человеческой жизни. Правильны они были или ложны, их сегодня у нас нет.

* * *

Зато у нас появился некоторый опыт.

Известны усилия, прилагаемые в последние сорок лет правительствами и народами мира для того, чтобы избежать ядерной катастрофы. Если мы говорим об угрозе термоядерного финала, то есть абсолютного конца, катастрофы, сильнее которой мы не способны представить, — есть ли после этого на шкале катастроф такая, о которой лучше помалкивать?

Землетрясения губительны. Экосистемы хрупки. Ядерная энергия опасна. Но ничего нет более опасного и тревожного, чем сам человек, в его попытках утвердить на планете лучшую жизнь навеки, и в его склонности прибегать к разнообразным формам насилия с этой целью. Человек значительно опасней для самого себя, чем атомная бомба, которую он сам придумал и применил. И катастрофой ему грозят не технические сюрпризы, а недооценка его собственных наклонностей.

Катастрофа — когда ребенка вытряхивают из одеяла, потому что одеяло необходимо для торжества идеалов тех, кто так поступает.

Но какой ряд событий приводит к состоянию власти и человека, когда можно так поступать, не рискуя быть убитым на месте? Вот что важно. Именно этот ряд событий означает растянутую во времени катастрофу. Когда вооруженные люди приходят отнимать вашу жизнь в пользу народа, катастрофа уже стряслась, и вы пожинаете ее результат.

Давайте же исследовать любой случай одобряемого насилия, кто бы его ни одобрил.

Давайте неослабно контролировать ход вещей, который ведет к единствен-

ной реальности в мире, еще более опасной и грязной, чем даже само насилие — к одобрению, защите, к аргументации в пользу насилия. Ведь мы уже знаем, как страшно мы ошибались, как слепы мы бывали — и как упорствовали в своей слепоте. И если наша новая попытка справиться с судьбой кончится так же, как прошлые, чем оправдаемся мы перед новыми жертвами — перед голодающим человеком, перед мерзнущим человеком, перед человеком, которого заталкивают в топку?..

Чем — напечатанной наконец-то «Лолитой»? «Архипелагом ГУЛАГ»?

Но ведь и 1917 год открыл дорогу типографским публикациям в России полного Пушкина, полного Герцена, романа «Воскресение»... А взгляните в разбитое прикладом лицо русского царя — череп мужчины, на глазах которого стреляли в его детей. Согласился бы Лев Толстой, презиравший Николая Романова, с такой ценой публикации полного собрания своих сочинений?

Никакая гласность не станет нашим оправданием, если вновь из Евразии хлынет ужас.

* * *

«Это был праздник зверей. Они в этот день делали то, что делали бы каждый день, если бы не страх перед властями», — говорит Людмила М., одна из жертв толпы наших озверевших сограждан. И она же: «Три дня мы проверялись и на храбрость, и на смелость, и на человечность. Кем мы стали, кем нас воспитали — показали эти три дня, а не те годы, десятки лет, которые мы прожили до этого дня». Так что же такое Сумгаит: пир хищников или испытание людей на человечность? И кто такие мы сами, читатели этой книги — люди или зверье?

Человечество всегда жестоко расплачивалось за самогипноз, за утерю понимания и памяти о происходящем. В дни, когда разыгрывалась сумгайтская драма, мы в столицах читали «Детей Арбата» и ахали: подумать только, каков злодей, этот Сталин!..

Когда кровавая черта, впоследствии усугубленная нерешительностью политиков и замалчиванием прессы, пролегла между двумя народами и в обе стороны от нее потянулись толпы беженцев, мы в столице трепетали перед последствиями «письма Нины Андреевой»: господи, что с нами теперь будет?!

...И мы смели бояться этих призраков в дни, когда одинокий старый человек, спасая десятерых, своей волей стал под ломики негодаев — и они били его по

голове этими ломиками изо всех сил! Мы настолько презирали человеческую — свою собственную! — природу, что недооценивали ни силы зверского в себе, ни той силы, что сопротивляется зверству любого насилия.

Мы полагали, что новое мышление приобретают, получая и прочитывая «Новый мир». В это время новое мышление испытывалось и распрямлялось в Сумгаите, где насилию вновь не удалось загнать человеческий дух в расовое, либо иное животное подполье.

* * *

Ниже приведены два отрывка из книги «Сумгаитская трагедия: свидетельства очевидцев» (т. 1, Ереван, 1989. Редактор-составитель С. Шахмурадян). Как увидит читатель, это свидетельства тех, кому повезло.

ПЕТРОСЯН Владимир Григорьевич, родился в 1956 году. Работал парикмахером в сумгаитской парикмахерской № 1.

Его жена, ПЕТРОСЯН (ХАЛАФЯН) Марина Михайловна. Родилась в 1962 году. Домохозяйка. Проживали по адресу: Сумгаит, 4 квартал, д. 24 а, кв. 2.

ВЛАДИМИР: сидели у тещи. Вдруг слышим — крики: «Ура! Ура!» Идут. Смотрим — во дворе сотни человек собрались. Весь двор полон. «Сейчас к нам придут, — говорит теща, — сейчас к нам придут! Все спускаемся в подвал!».

Когда все, кто был в квартире, спустились в подвал, я остался с дядей Карменом. Я говорю дяде Кармену: «Давай мы тоже спустимся в подвал. Может, не найдут нас?». Он говорит: «Нет, ты иди, а я пойду в спальню, в спальне я буду». Я спустился, и он за мной лок закрыл. И сразу же эти ворвались, началось там. В подвале все слышно было.

МАРИНА: Да, все слышно. И такой шум был: не только нашу, там и другие квартиры громят — звон стекол, что-то падает сверху.

ВЛАДИМИР: Потом Григорян Эмму с четвертого этажа вывели во двор. До этого ее мужа, Черкеза, столько били у подъезда — где-то 5—6 часов били. Кто

ни подойдет, какая группа ни подойдет, все его бьют. Кастрюлями по голове, не знаю чем — по голове...

МАРИНА: Он так стонал, так кричал! С четвертого этажа до нас доносились крики Вали, невестки Эммы и Черкеза. Она кричала как сумасшедшая, звала свою шестилетнюю дочь: «Кристина! Кристина!». Мы уже подумали, что украла, унесли Кристину. Бедная Валя кричит, а со двора смеются: «А-а, Кристины уже нету! Кристины нету!». Потом, когда тетю Эмму вывели, — я ее голос тоже слышала — ее раздели: у нас металлическая сетка на подвальном окошке, там немножко видно. Потом стали играть на пианино. Они чувствовали себя как дома — свободно, все ломали, не торопясь... Я слышала, что в комнате кого-то бьют...

ВЛАДИМИР: Это дядя Кармен. Его нашли...

МАРИНА: Я тоже подумала, что это дядя Кармен, свекор моей сестры. Его стали избивать... Я сказала: «По-моему, это дядю Кармена бьют». А Владик говорит: «Нет, его соседка забрала, Сабиргаль».

ВЛАДИМИР: Ну, я так сказал, что бы остальные в подвале в панику не впали. Нас там десять человек было.

МАРИНА: А сын Кармена... Мы его

еле удержали, Андрея. Он не мог, все шептал: «Мой отец остался! Мой отец остался!». Мы его еле удержали... Успокаивали Андрея: «Не переживай, твой отец у соседей». Потом слышим — они говорят: «Поднимайтесь на четвертый этаж! Там тоже армяне. Поднимайтесь к ним!». Толпа поднялась на четвертый этаж — что они там творили! Это я уже потом узнала, в автобусе, когда солдаты на бронетранспортерах подъехали. Я видела через сетку, как сожгли одного человека — это оказался Авакян Юра. Он тоже проживал на четвертом этаже. Его прямо вытащили из квартиры, избивали, потом сожгли его... Через окно в подвале я видела, как горит... человек... Я уже не могла... Думаю: «Господи!». Я думала, что дядя Черкез, оказалось — это Юра был.

ВЛАДИМИР: Он защищался долго Юра, долго защищался. Я слышал, как снаружи говорили: «Сколько мы хотим его дверь сломать — не можем. Лом несите, быстро! Лом несите, чтоб взломали ломом!». Подробности потом его сын рассказывал. Его зовут Камо. Он по балконам спустился. Потом говорил: «Я на работе боялся со второго этажа вниз посмотреть, как я с четвертого этажа по балконам вниз спустился — сам не представляю».

МАРИНА: Камо каким-то образом подсоединил электричество к двери, и этих, из толпы, било током.

ВЛАДИМИР: Они железную сетку от кровати приставили к двери и пропустили по ней ток, так что уже кровать била током. И воду налили на пол — уже и пол тоже ток пропускал. Те подходят — бьет током. Тогда толпа приволокла из соседней квартиры, где Григоряны жили, матрасы и по сухим матрасам ворвалась в квартиру.

МАРИНА: Из толпы орал: «Откройте дверь — всех перережем! Всех до одного!» Потому что очень долго мучались с их дверью. Родители Камо из задней комнаты, из спальни, перешли по балкону к соседке, к азербайджанке по имени Ханум. Но бандиты догадались, что они, наверное, к ней перешли, потому что на четвертом этаже ее дверь. Ханум открыла дверь, стала на колени и говорит: «Что вы хотите? Не трогайте этих людей! Вот, если вы крови хо-

тите... — и она ногу себе порезала, провела ножом по ноге своей,— Вот, если хотите — вот кровь! Только их не трогайте!». Они все равно Юру прямо на руки схватили и вели. Но жену не убили... Из нашего подъезда двоих убили: Юру Авакяна и Эмму Григорян. Мы спаслись, но каково нам было в подвале, что мы пережили!

ВЛАДИМИР: В подвале было столько ящиков, что невозможно было пошевелинуться...

МАРИНА: Негде было стоять.

ВЛАДИМИР: Подвал ведь маленький, совсем маленький! И мы вот дальше от люка спустились все в одну кучу, чтобы нас не увидели, если откроют.

МАРИНА: Мы впритык стояли. Мой ребенок, Диана, вспотела вся...

ВЛАДИМИР: Вся мокрая была, когда вышла оттуда...

МАРИНА: Боялась голос подать. Говорит: «Мама, кто это?» Я говорю: «Дианка, молчи! Потом, потом!». Вся была мокрая, мы ее к себе прижали. В подвале вокруг нас посуда, баллоны, чуть шевельнешься — загремит. А они все время над нами, прямо над головами стояли на балконе. Ясно слышали, как переговариваются между собой.

ВЛАДИМИР: И русские среди них тоже были.

МАРИНА: По-русски говорили чисто.

ВЛАДИМИР: Абсолютно без акцента говорили.

МАРИНА: Слышали как во двор заехала пожарная машина. Что-то вроде лезут по пожарной лестнице, что-то разбивают — слышно. Машина отъезжает. Потом вновь заезжает во двор... Мы уже с ума сходили Просто у нас уже не было никакого спасения. Мы думали, или смерть, или... Ведь куда ни звонили до этого — в милицию, в пожарную, — помощи не было. Ну, мы думаем, все, наверное, убьют, живые останемся — счастливые, значит.

ВЛАДИМИР: Я не верил, что мы оттуда живые выйдем. Думал: «Все равно, все равно найдут, в конце концов найдут».

МАРИНА: Найдут. Я тоже так думала.

ВЛАДИМИР: Когда они зашли на балкон, стали ходить прямо над нашими головами и остановились на люке, люк

заскрипел весь, я подумал, что они уже открывают. А тут младший наш ребенок захныкал. Ему три года. До этого он спал. Слава богу, успокоили. Гришей зовут. «Папа,— говорю,— я уже устал его держать, не могу больше». Я его все время на руках держал, маленький он. Диана хоть стояла, а он не мог стоять, устал, уже ноги не держали его. Диана стояла все время, на ногах стояла, бедная. Она выдержала. Стояла. Когда мы вышли, она вся мокрая была. Все платье было мокрое. От страха. Дрожала. Я чувствую — ее ноги касались моей ноги — чувствую, как у нее дрожь идет, вся она дрожит. Я говорю отцу: «Папа, как-нибудь сядь на пол и ребенка возьми: я уже не могу держать». У меня уже ноги сводило судорогами. И руки устали, болят. Ну, представьте, семь часов на руках ребенка держать. Я отцу говорю: «Папа, как-нибудь потихоньку сядь, чтобы не слышно было». Еле-еле он сел на цементный пол, и я ребенка потихоньку отдал. Ребенок уже спал. Я отдал ребенка, а он всхлипывал во сне. Я говорю: «Папа, как-нибудь поверни, чтобы не всхлипывал, а то услышат». И мы все — десять человек — все друг друга поддерживали. Говорили: «Тише, Тише». Какой-нибудь шорох — шепчем: «Тише, тише». Так сидели мы и ждали своей участи.

МАРИНА: Все это время, стоя, тряслись, дрожали. Кто-то пить хотел — терпели. Во рту все пересохло. У нас прямо горечь во рту была у всех, а тогда я думала, только у меня. Воздуха не хватало, дышать нечем. Мало того, во дворе все горит, этот дым... Запах от горящего человека...

ВЛАДИМИР: Одна из женщин сказала: «Так в туалет хочу». А я говорю ей: «Давай на пол, стоя...» А что делать? Это не столько от выпитой воды, это от страха, наверное. У всех от отраха.

МАРИНА: От страха.

ВЛАДИМИР: Вы не думайте, что этих подонков интересовали только убийства, побой и изнасилования.

МАРИНА: Грабили и веселились. Играли на пианино. Ну, музыканты, профессионалы просто, так хорошо играли. Играют и ломают все вокруг.

ВЛАДИМИР: «Джип, джип, дмуд-

жялярым» играли, всю дорогу это играли.

МАРИНА: И пласали тоже. Вытворяли все, что в голову взбредет, только шум стоит.

ВЛАДИМИР: Сволочи! Вспоминать тошно... Вот у нас парень есть в пансионате, он говорит, что видел с балкона, как в четвертом микрорайоне девушку вели голую... Голую ее вели, били, а вся толпа... Там столб был фонарный: около столба ее остановили, сделали круг и начали хлопать, чтобы она танцевала. Они хлопают, она танцует, а они смеются. Дяде Кармену тоже говорили: «В Ереван поедешь?» Слышно было, как его избивают. Но мы просто не хотели думать, что это он... Андрей, его сын, все время твердил: «Папа, папа, папа, папа...». А я говорю: «Молчи, молчи...».

МАРИНА: Его отец даже звука не издал, чтоб мы не заводновались и не выдали себя. Он знал, что сын не выдержит, выскочит из подвала. И вот ради всех нас он молчал. Его учили всячески — он молчал все равно...

ВЛАДИМИР: Наше счастье это было. Считайте, что второй раз родились. В подвале я все время думал: «Интересно, который час? Скорее бы светло стало, скорее бы. Может, когда станет светло, они перестанут». И вдруг слышим со двора военные команды: «Наряд! Заходи справа! Слева заходи!»... А потом стали звать: «Армяне есть живые? Живые есть? Выходите!». Я хотел выйти, теща меня за руку держит: «Не выходи, не выходи! Это, наверное, они специально на русском говорят, хотя перехитрить нас». «Нет,— говорю,— я команды слышал, это солдаты». Я в армии служил, знаю все эти приказы. Я уже открываю люк. Теща удерживает: «Нет, нет, нет, не открывай!». Слышу, что солдаты уходят, голова слабее стала, а я стою и нервничаю. Не выдержал: «Все, я уже не могу, уже не могу!». И резко так люк поднял, изо всей силы, вылез и кричу: «Солдаты, солдаты! Мы живы! Мы здесь! Помогите, здесь дети! Дети, дети! Заберите их!». Солдаты услышали, подошли... Мы были такие испуганные, так спешили, что я детей прямо через разбитые окна балкона передавал солдатам. Солдаты говорят: «Давайте, давайте!» Теща говорит:

«Чего ты, давай через дверь выйдем, за-
чем ты?.. А женщины прямо через окна
спускаются. Руки порезали о стекла...

МАРИНА: Я тоже пальцы порезала...

ВЛАДИМИР: Мы боялись, боялись
выходить через комнаты.

ВЛАДИМИР: Это война была, вой-
на!

МАРИНА: Ой, какая война? Хуже,
чем война. Вот генерал говорил: «Я
был в Афганистане на войне, но тако-
го еще не видел».

* * *

БЕДЯН Кармен Акопович.

Родился в 1935 году. Проживал по
адресу: Сумгаит, 1 микрорайон, ул. Ми-
ра, д. 5/7, кв. 8. Работал плотником
на хозрасчетном строительном участке
треста «Агропромстрой».

Они зашли во двор, эта черная мас-
са. Вот, значит, наш пятый дом сто-
ит, где мы отмечали сороковины, и на-
против стоит шестой дом, между нами
где-то 30—35 метров, и вот в этом
промежутке свободного места не было,
все было черно...

Все десять человек, которые были до-
ма,—всех я спустил в подвал. Там
был старенький половик, коврик; этим
половиком я закрыл сверху люк и по-
суду, которую взяли напрокат, поло-
жил поверх коврика на люк, чтобы не
было заметно.

Я остался один. И как вот этот, в
клетке, белый медведь — видели вы? —
ходит из одного угла в другой —
точно так же я хожу взад-вперед по
квартире. Перед глазами смерть уже,
все... Думаю: молодые, пусть жи-
вут, а я — черт с ним! — уже 52
года прожил, пусть меня убьют, ни-
чего страшного не будет. И вот, ког-
да первый камень залетел, я думаю:
уже все, к нам тоже ворвались. И
смотрю — камень за камнем, камень
за камнем. И поломали все окна.

Смотрю — через окно, через дверь, че-
рез веранду, с трех сторон они стали
врываться к нам. Я тут же ушел в
спальню, и там шифоньер был — при-
винул его к двери. Они, как зашли в
гостиную, говорят: «Э-э, здесь много
чего есть! Все заходите сюда!». И один

говорит: «Здесь магнитофон. Магнито-
фон — мой!». Другой говорит: «Ковер
мой!». «Слушай,—кричит еще один,—
у них и пианино есть». Они откры-
ли пианино. Открыли пианино, и,
как я понял, кое у кого из них
было музыкальное образование, по-
тому что играли они на пианино
хорошо, свои мелодии, песни. Один
играет, другой говорит — отойди, я
тоже буду играть; играет этот —
следующий говорит — отойди, я то-
же. Наверное, человека четыре игра-
ли так на пианино, и все играли от-
лично!

Стали толкать дверь спальни, ши-
фоньер сдвинулся, они зашли. Я при-
жался к стене за шифоньером. Пошли
в мою сторону, увидели меня. И один
сразу говорит: «А-а, сукин сын, ты
здесь!». Молодые, здоровые парни от
18 до 25 лет. И не оборванцы были,
не в рабочей одежде; они были хоро-
шо одеты: у кого куртка, у кого плащ
кожаный с погончиками, модный.
Ломики, где-то сантиметров 40 или
50, вытащили, у каждого в руках
блестят. Я говорю: «Слушайте, ре-
бята, что хотите — берите из дома,
но меня не трогайте». «Сукин сын, ты
еще осмеливаешься говорить?!» — и
как начали меня бить по голове, я
чувствую — кровь прямо хлещет из
моей головы... Где-то раз пять меня
стукнули ломиком. Я же говорю, у
них были специально приготовленные
ломики, на токарном станке, мне ка-
жется, выточены были. Это не одно-
го дня работа.

Вот, значит, когда меня начали из-
бивать и глаз мне выбили, по зубам
дали так, что все до сих пор шатают-
ся, один среди них говорит: «Здесь мы
его убьем — никто не увидит. Выг-
щим его на улицу, там, на улице, бу-
дем убивать». Я обрадовался!

Я думаю: «Это хорошо. Наши в под-
вале не услышат мои крики». Хоть
столько и били меня, но я не издал
ни звука, потому что думаю, молодой он,
сын мой, будет оттуда кричать и уз-
нают их место. Я, значит, когда ска-
зали, мол, вытащите, убить на улице,
обрадовался... Но когда меня вытаски-
вали через общую дверь, и в лицо уда-
рил свежий воздух, я как будто снова

ожил. Вытащили уже из подъезда, смотрю — там такой костер горит, и они говорят: «Давайте его тоже... в костер».

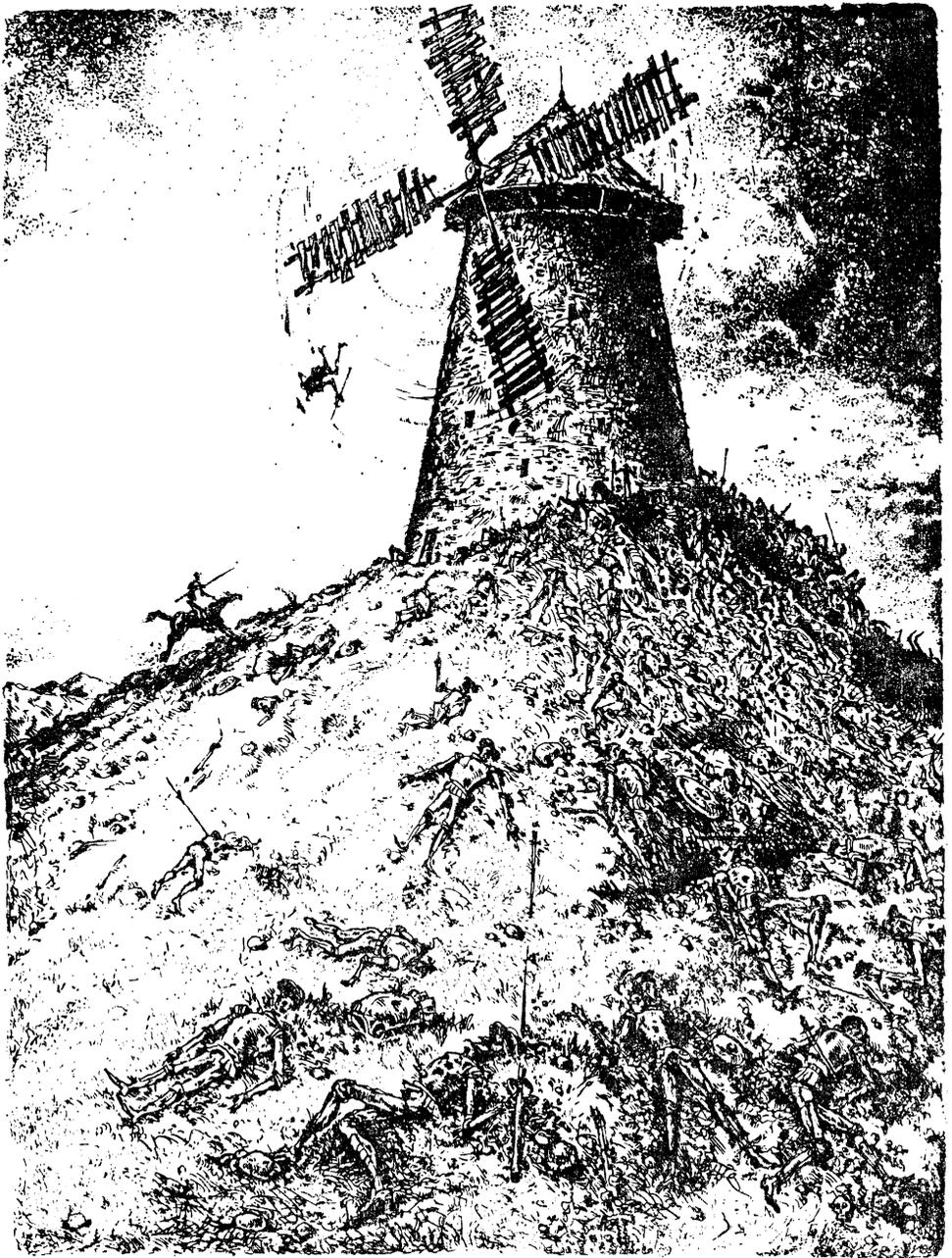
И откуда у меня сверхъестественная сила взялась после стольких ударов?! — я их взял двоих, друг об друга стукнул — у меня нашлась такая сила. И один упал туда, другой упал сюда. Бог мне дал и рост, и силу. И хоть я в больнице лежал, нога у меня болела, но, наверное, ни одна машина меня бы не догнала — так бежал я от страха. Толпа кричит: «Ловите, ловите! Армянин убегает! Ловите!». И эти сволочи, эти двое меня поймали. И тут же те сзади подоспели. Подоспели, значит, и опять меня по голове этими же ломи-

ками, только били теперь сзади, по затылку...

Когда они ушли, я уже ничего не чувствовал. Не знаю, сколько я там лежал, много или мало. Потом чувствую — человек ко мне подошел, как будто во сне чувствую, что кто-то меня трогает,— русская бабушка: «Сынок, сынок!». Я будто во сне... или не во сне... Потом я очнулся и говорю: «Что?» «Сынок, ты живой?» Я говорю: «Да, живой». «Вставай,— говорит,— уходи, эти сволочи придут сюда обратно». Она мне помогла, подняла с земли, довела меня до маленького сада перед больницей. До этого сада довела и говорит: «Я вернусь, а то они увидят, что я тебе помогаю, меня тоже убьют».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Бюллетень «Век XX и мир» № 12 (на русском языке), ежемесячный.
 Напечатано в СССР. Ордена Трудового Красного Знамени типография
 «Известий Советов народных депутатов СССР». Москва. Зак. 4673.
 Сдано в набор 13.12.89. Б 04296. Подписано в печать 9.02.90.
 Объем 3 п. л. Тираж 114000 (1-й завод 1—63000 экз.).

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■ ■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

